

И. Дитцген

Р е л и г и я

с о ц и а л - д е м о к р а т и и

Перевод с немецкого.

ИЗДАНИЕ

Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов
Петроград. 1919

КАТАЛОГ КНИГ

ИЗДАТЕЛЬСТВА и КНИЖНОГО СКЛАДА ПЕТРОГРАДСКОГО
СОВЕТА РАБОЧИХ и КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ.

Смольный, 2-й этаж, комната 51, телефон—34, контора—комната 54.

Книжный магазин—Невский, 116.

Вышли из печати:		Цена. Р. К.	Цена. Р. К.		
Алексеев и Варлен. «Две речи» . . .	—	70	Горлов, Н. «Темные силы, война и погромы» . . .	—	15
Арун. «Мертвецы коммуны» . . .	—	45	Горький, Максим. «Макар Чудра», с иллюстрациями . . .	—	60
Его-же. «Народная история Парижской Коммуны» . . .	5	—	Его-же. «Челкаш» . . .	1	50
Афиногенов, Н. (Степной). «Записки ополченца». Разошлось.	1	25	Его-же. «Двадцать шесть и одна» . . .	1	50
Банк. «Великая французская революция».	—	—	Его-же. «Дед Архип и Ленька» . . .	1	10
Его-же. «Парижская коммуна» . . .	1	75	Его-же. «Емельян Пялый» . . .	1	20
Барбюс. «В огне». Дневник полузавода. Пер. Арденина. 1-е и 2-е издания разошлись. Печ. 3-е изд.	10	—	Его-же. «Дело с застежками» . . .	—	80
Басов-Верхоянцев. «Венок». Сказки.	2	50	Его-же. «На плотях» . . .	1	30
Бebelь, А. «Из моей жизни». Мемуары, т. I	4	20	Его-же. «Мальва»	1	80
Его-же. «Христианство и социализм».	—	50	Его-же. «Коновалов»	2	60
Богданов. «Красная звезда»	2	60	Его-же. «На плотях»	2	25
Браке. «Долой социал-демократов».	1	—	Его-же. «Проходимец»	2	—
Бруснин. «В борьбе за труд»	3	—	Его-же. «Скуки ради»	1	40
Бухарин. «Программа коммунистов».	1	75	Его-же. «Васька Красный»	1	40
Его-же. «Долой международных разбойников». Разошл. Печ. 2-е изд.	—	40	Его-же. «Кирилка»	1	30
Его-же. «Классовая борьба и революция в России»	1	80	Его-же. «О евреях»	1	10
Быстрянский. «Имперализм»	—	35	Его-же. «Как я учился»	—	90
Его-же. «Империалистическая Англия против социалистической России»	—	40	Денав. «Фленго». Рассказ из времен коммуны 1871 г.	—	25
Вандервельде. «Социализм и искусство»	—	90	Декреты о суде	1	50
Ватин. «Что такое коммуна?»	—	20	Демьян Бедный. «Земля обетованная».	1	20
Вейтлинг. «Человечество, каково оно есть и каким должно быть»	—	85	Его-же. «В огненном кольце»	1	50
«Венок коммунаров», сборн. памяти В. Володарского, с рис.	2	—	Его-же. «Басин». С иллюстр.	3	—
В-ин, Л. «Уголок немецкой оккупации»	—	50	Дитген. «Религия соц.-демократии».	3	25
Войнич, В. «Овод». Роман. Пер. с английского З. Венгеровой	4	50	«Еврей, классов. борьба и погромы».	—	15
Володарский, В. «Напутственная речь агитаторам». 3-е издание	—	50	Жорес. «Мир и пролетариат»	—	45
Волковский. «Сказание о царе Симеоне»	1	25	Закон о лесах Российской Фед. Сов. Республики	—	20
«Враги ли евреи рабочим и крестьянам». Разошлось. Печ. 2-е изд.	—	20	Зиновьев, Г. «Корни оборончества». Разошлось. Печ. 2-е изд.	1	10
Гайк Ад-янци. «Крестьянский вопрос во Франции»	—	50	Его-же. «Наше положение и задачи создания красн. армии»	—	25
Гауптман. «Ткачи». Драма	1	50	Его-же. «Австрия и война»	1	80
Горичев. «Таблица исчисления заработной платы от 150 до 1000 р. при 6 и 8 час. рабочем дне.	2	50	Его-же. «Из истории пролетарского праздника 1 мая»	—	30
			Его-же. «Г. В. Плеханов. Вместо речи на могиле»	—	45
			Его-же. «Хлеб, мир и партии»	—	70
			Его-же. «Рабочие партии и профессиональные союзы»	1	75
			Его-же. «Речь о создании красной армии». 2-е изд.	—	25
			Его-же. «Социализм и война»	—	80
			Его-же. «Н. Ленин, жизнь и деятельность»	1	20
			Его-же. «Письмо к крестьянам»	—	50
			Его-же. «Слово к красноармейцам»	—	40
			Его-же. «Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс»	—	35

І. Дитцігенъ.

Религія соціалъ-демократіи.

Переводъ С. М. Компанѣйца.

ИЗДАНИЕ
Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ депутатовъ
1918

Первая Государственная Типографія, Гатчинская 26.

I.

Дорогіе сограждане! Въ идеяхъ социаль-демократіи содержится новая религія, которая, въ противовѣсъ всѣмъ доннѣ существующимъ, стремится къ тому, чтобы быть воспринятой не только сердцемъ, но и умомъ. Отъ другихъ обыкновенныхъ объектовъ умственной работы социаль-демократія отличается тѣмъ, что является откровеніемъ для человѣческаго сердца, въ видѣ особой религіи. Цѣль религіи, собственно говоря,—облегчить истомленное человѣческое сердце отъ скорби земной жизни. До сихъ поръ, однако, она могла добиваться этого путемъ идеалистическимъ, прибѣгая къ мечтамъ, ссылаясь на незримаго бога и суля загробную жизнь. Евангеліе же настоящаго общаегь преобразовать, наконецъ, самымъ реальнымъ, самымъ дѣйствительнымъ и осязательнымъ образомъ нашу юдоль скорби и печали. „Божество“, этотъ символъ добра, красоты и святости, должно воплотиться въ человѣкѣ, должно спуститься съ нагорныхъ высотъ на землю не какимъ-то чудеснымъ мистическимъ образомъ, какъ думали нѣкогда, а путемъ земнымъ, естественнымъ. Мы жаждемъ спасителя, мы жаждемъ, чтобы наше евангеліе, чтобы слово божіе стало плотью; чтобы оно воплотилось, однако, не въ какомъ либо индивидѣ, не въ одномъ опредѣленномъ лицѣ — *нѣсть* мы, весь народъ хотимъ быть сынами божіими.

До сихъ поръ религія была удѣломъ пролетаріата. Теперь, наоборотъ, дѣло пролетаріата приобретаетъ характеръ религіи, т. - е. становится долгой, воспринимаемой вѣрующими всѣмъ сердцемъ и всей душой. Новая вѣра, вѣра четвертаго сословія, путемъ научныхъ изысканій на-голову разбиваетъ свою предшественницу—вѣру прежнихъ временъ. Въ старину думали, что земля стоитъ, а солнце движется, согласно новымъ воззрѣніямъ происходитъ обратное. Прежде, человѣкъ существовалъ для евангелія, а теперь—евангеліе должно служить человѣчеству. Чтобы человѣчество самымъ реальнымъ образомъ, а не призрачно только, эмансипировалось отъ религіи, должна быть освобождена прежде всего сама религія, т. - е. она должна быть либо уничтожена,

либо действительно понята. Евангеліе новаго времени требуетъ переворота во всемъ нашемъ мышленіи. Откровеніе прежняго времени ставило законъ на первое мѣсто, онъ былъ чѣмъ-то высшимъ, онъ былъ вѣченъ—человѣкъ же отступалъ на задній планъ. По новому же откровенію, человѣкъ—самое важное, самое высшее и вѣчное; его законъ, преходящій и измѣнчивый, занялъ второе мѣсто. Теперь мы существуемъ не затѣмъ, чтобы служить закону, но цѣль закона—служить намъ, онъ долженъ видоизмѣняться сообразно нашимъ потребностямъ. Старое общество проповѣдывало терпѣніе и покорность, новое—энергію и активность.

Сознательная дѣятельность вытѣснила милость. Евангеліе прежняго времени называлось: „Вѣра въ авторитетъ“, на заглавномъ листѣ новаго евангелія красуется: „постоянно-прогрессирующая наука“. Вѣра и наука, дорогіе сограждане,—вотъ противоположность, рѣзко отличающая старое общество отъ новаго. Кто можетъ возвыситься до яснаго пониманія этого различія, тотъ инстинктивный социаль-демократъ, если бы онъ даже и не дошелъ до пониманія всѣхъ политическихъ и социальныхъ выводовъ социаль-демократіи. Въ различіи между вѣрой и наукой кроется первый зародышъ революціоннаго развитія. Обѣ онѣ изыскиваютъ для насъ цѣлительныя средства, но въ диаметрально-противоположномъ направленіи. Религія ищетъ этого только въ вѣрѣ, въ фантазіи. Наука со своей трезвой штыливостью—въ окружающей дѣйствительности.

Наши противники, книжники и фарисеи стараго общества, жили и умирали, не отступая отъ догмъ своей религіи; имъ нѣтъ спасенія, они прокляты. Но кто опирается на науку, тотъ всецѣло отдаетъ себя дѣйствительности, тотъ сталъ ученикомъ новаго евангелія. Эта противоположность вѣры и науки, это различіе стараго и новаго общества сказывается не только съ момента появленія социаль-демократіи.

Происхожденіе этой противоположности относится къ древнему міру, къ первымъ зачаткамъ научной жизни. Къ началу новыхъ вѣковъ, въ эпоху возрожденія наукъ она проявилась сильнѣе и, все разрастаясь, по мѣрѣ приближенія къ современному моменту, воплощается въ нашихъ герояхъ науки.

Совершенно опредѣленный характеръ, однако, все это принимаетъ только впервые—въ современномъ рабочемъ движеніи.

Всѣ движенія до настоящаго времени только предтечи, прелюдіи всеобщаго движенія, приближающейся гигантской революціи, родовыя муки которой приходится какъ разъ на наши дни. Греческая культура, христіанство, реформація, революція 1789 г., философія и современное естествознаніе— это чернорабочіе; промышленность — великій строитель; социаль-демократія—чуждый храмъ, который хотятъ воздвигнуть народы XIX вѣка.

Прежняя исторія человѣчества въ ея цѣломъ только приготовляла для этой цѣли матеріаль. Теперь время разрыхлить почву и заложить фундаментъ.

Работа культуры до нашего времени, какъ бы цѣнна она ни была, все же не больше, какъ роскошныя арабески, *по сравненіи съ той фундаментальной работой, которую предстоитъ совершить въ будущемъ.*

„Человѣкъ свободенъ, хотя бы и былъ рожденъ въ цѣпяхъ“. Такъ ли это! Человѣкъ рожденъ въ цѣпяхъ и долженъ завоевать свободу. Самыя тяжелыя цѣпи, самыя сильныя оковы наложены на него *природой*. Противъ ея превратностей онъ съ первыхъ дней своего существованія борется. Пищу, одежду—все человѣкъ долженъ былъ отвоевывать у нея. Природа стоитъ за спиной человѣка со страшнымъ бичемъ—потребностью, и въ зависимости отъ ея расположенія или нерасположенія величіе человѣка уничтожается либо укрѣпляется. Только потому и могла религія приобрести такое вліяніе, что она сулила освободить отъ этого рабства. Да и какъ иначе могло бы іудейство такъ долго ждать столь желаннаго прихода Мессіи? „Посмотрите на птицы небесныя, иже не сѣютъ и не жнутъ, но Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ“.

Молитва и постъ—вотъ цѣлительныя средства христіанства противъ врожденной людской беспомощности. Все средневѣковье, ничтоже сумняшеся, упало на этотъ рецептъ. Въ концѣ концовъ поняли бесплодность этой панацеи. Явился Лютеръ и указалъ на совершившееся уже религиозное искупленіе. Молитву и постъ Христосъ уже свершилъ за насъ въ своей неизреченной милости. И несмотря на то, что въ дальнѣйшемъ ханжество лютеровскаго произведенія исказило эту мысль, и несмотря даже на то, что самъ учитель остановился на поль-пути,—все же со времени реформаціи *работа* начала свою миссію спасенія. Со времени реформаціи религія была перенесена съ будней на воскресенье, и тѣмъ самымъ открылось поле для труда. Съ этого

момента человѣкъ началъ свою земную практическую работу, но не отказался еще отъ метафизики, ниспосланной небесами: онъ трудится, копить богатства, и добытыя сокровища приносить ему новое евангеліе, влечуть его къ соціальной эмансипаціи.

Религія съ давнихъ поръ такъ охраняется, такъ освящена, что даже тѣ, которые отказались отъ вѣры въ олицетворенное божество, которые давно уже не нуждаются въ какомъ-то верховномъ покровителѣ рода человѣческаго, все-таки не хотятъ оставаться безъ религіи. Что же! Спизойдемъ къ этимъ консерваторамъ и переложимъ старыя слова на новый ладъ. Это не только уступка, которую мы дѣлаемъ предрасудку, чтобы тѣмъ быстрѣе уничтожить его, но понятіе это (религія) дѣйствительно соотвѣтствуетъ самой сущности предмета. Всякая религія отличается отъ другой ровно настолько, насколько всѣ онѣ вмѣстѣ взятыя разнятся отъ антирелигіозной демократіи. Всѣ до единой онѣ стремятся освободить страждущее человѣчество отъ земныхъ невзгодъ, вести его къ добру, красотѣ, справедливости и божеству. Да, соціаль-демократія въ томъ отношеніи истинная религія, правовѣрная церковь, что она уже больше не стремится достигнуть общепонятныхъ цѣлей какимъ-то фантастическимъ путемъ, молитвами, благими namѣреніями и воздыханіями, а домогается ихъ путемъ реальнымъ, дѣйствительнымъ, сознательно и ясно, путемъ физическаго и умственнаго труда общественной организаціи.

Трудъ—вотъ панацея повѣйшаго времени.

Равно какъ Христосъ имѣлъ массу прозелитовъ еще до организаціи его церкви, такъ и новый пророкъ—трудъ—еще раньше, чѣмъ возникла мысль о его могущественной власти, въ теченіе вѣковъ оказывалъ свое вліяніе. Трудъ уже теперь украшенъ атрибутами божества, всемогуществомъ и знаніемъ. Однако дошелъ онъ до этого не чудодѣйственнымъ образомъ, не путемъ непорочнаго зачатія. Онъ рожденъ въ мукахъ, взрощенъ борьбой, горемъ и заботами. И хотя трудъ, такъ мощно преобразившій человѣка, явился съ обѣтомъ окончательно высвободить его изъ-подъ всякаго рабства, и хотя только благодаря ему обѣтованная земля уже дѣйствительно вырисовывается вдали, все же на челѣ его еще дониндѣ лежитъ терновый вѣнецъ злосчастья, а плечи согбены подъ тяжелымъ крестомъ презрѣнія.

Но долой языкъ аллегорій, сравненій! Долой эту образность рѣчи! Вопросъ самъ по себѣ такъ гажень и возвы-

шенъ, что нѣтъ необходимости прибѣгать къ пророческимъ. Дѣло вѣдь идетъ, въ полномъ смыслѣ слова, о спасеніи рода человѣческаго. Если и существуетъ что либо святое— то тутъ передъ нами святая святыхъ. То не фетишь, не ковчегъ завета, не дарохранительница и не дароносица, но реальное, осязаемое благо всего цивилизованнаго человѣчества. Это благо, эта святыня не свалилась съ неба и не явилась въ видѣ сткровенія, а выросла изъ постепенной и непрерывной исторической работы. Какъ изъ гряды мастерской, изъ потребленнаго матеріала и пота рабочихъ властно рождается въ полномъ блескѣ новый продуктъ, такъ изъ тьмы варварства, изъ рабства народовъ, изъ невѣжества, предразсудковъ и бѣдности, изъ крови и плоти, сверкая и блестя, озаряемое свѣтомъ науки и познанія, вырастаетъ богатство настоящаго времени. *Это богатство и образуетъ прочный фундаментъ социаль-демократическихъ надеждъ.* Наши надежды на спасеніе построены не на религиозномъ идеалѣ, а на крѣпкой материалистической базѣ.

Богатства нашего времени заключаются отнюдь не въ роскошныхъ дворцахъ, въ которыхъ обитаютъ привилегированные, не въ роскоши ихъ платья, не въ золотѣ и драгоценныхъ камняхъ, украшающихъ ихъ, не въ скопленной массѣ богатствъ, красующейся въ витринахъ городскихъ магазиновъ. Все это вмѣстѣ взятое, а равно и деньги, припрятанныя въ шкатулки и денежные мѣшки,—дѣло второстепенное, бездѣлушки и побрякушки, подъ ними скрыто настоящее богатство; но подъ ними находится та скала, на которой зиждутся наши надежды. Что даетъ право народу не только вѣрить въ избавленіе отъ тысячелѣтнихъ мукъ, но и видѣть это избавленіе, самымъ активнымъ образомъ добиваться его, это—чудодейственная продуктивная мощь его, это поразительная производительность его труда. Въ тайнахъ, которыя мы отвоевали у природы, въ открытыхъ нами волшебныхъ формулахъ, при посредствѣ которыхъ мы, путемъ возможнаго улучшенія методовъ и орудій производства, вынуждаемъ ее снисходить къ нашимъ желаніямъ и уже теперь почти безъ труда и напряженія отдавать намъ свои блага,—вотъ въ чемъ кроется источникъ богатства, источникъ, которому суждено свершить то, чего не удавалось до сихъ поръ никакому спасителю.

Исходнымъ пунктомъ, основной цѣлью всякой борьбы, всякаго состязанія на исторической аренѣ, всѣхъ стремленій

и всего смысла науки является *свобода человека*, подчинение природы господству его духа.

Что есть свобода? Химера ли это, о которой обыкновенно начинают говорить словами: „свобода, съ моей точки зрѣнія...“ и отъ которой при ближайшемъ разсмотрѣнїи остается одно только названїе; та ли эта свобода, о которой вздыхали и мечтали ораторы 48 года? И тотъ поистинѣ имѣетъ о ней мѣщанское представленіе, кто, какъ филистеръ, подъ ней разумѣетъ свободу отъ полицейскихъ прижимокъ, или же свободу промышленной конкуренціи, или же свободу религиозныхъ, политическихъ и иныхъ какихъ-либо убѣжденій, или полагаетъ, что она означаетъ свободу собираться съ друзьями, или даже свободу собраній подъ открытымъ небомъ для бесѣдъ объ общественныхъ дѣлахъ. Нѣтъ! Все это одни только внѣшніе атрибуты свободы. Наши либералы и прогрессисты, которые гонятся только за этой мишурой, уже издавна отняли у народа *самую сущность свободы и рассматриваютъ ее, какъ свою привилегію*. Вотъ то, чѣмъ они обладаютъ и, къ тому же, въ чрезмѣрно большой степени, — *свободой отъ ярма рабскаго труда, свободой отъ нужды, горя и заботъ, отъ голода, печали, невѣжества, отъ мукъ быть вьючнымъ животнымъ во имя „болѣе высокой общественной организаци“*, — вотъ эта свобода, и именно для массы, для народа, является святой цѣлью. Достиженіе ея составляетъ призваніе столь безконечно обогатившейся человѣческой работоспособности.

Несомнѣнно, и въ настоящее время человѣкъ зависитъ отъ природы. Еще не совсѣмъ она побѣждена. Культурѣ предстоитъ еще много работы, ея задачи безконечны. Но мы представляемъ непреодолимую силу: въ концѣ концовъ намъ извѣстно оружіе, которымъ мы побѣдимъ ее, мы знаемъ методы, при посредствѣ которыхъ мы приручимъ это дикое животное. Отъ молитвы и смиренія мы перешли уже къ мысли и дѣлу.

Результаты видоизмѣненій этого метода уже на-лицо въ видѣ прїобрѣтеній промышленности, душа которой заключается въ продуктивности нашей работы. Нужды человѣческаго рода до сихъ поръ были непреоборимы, такъ какъ еще не было силъ смягчить ихъ. Многовѣковой прогрессъ понадобился, чтобы развить эту силу. Пока трудъ народный былъ недостаточно продуктивенъ, чтобы удовлетворить потребности массы, отдѣльные классы могли присвоить себѣ привилегію господства. *Больше того, развитіе нашей трудо-*

способности — ея цѣль, новѣйшая современная продуктивность, — все это *требуетъ* владычества привилегированных поколѣній, требуетъ въ равной мѣрѣ и эксплуатаціи массы. Будемъ же спокойны при воспоминаніи о мукахъ прошлаго и снесемъ ихъ безъ неприязни и жалобъ. Но тѣмъ больше правъ имѣетъ социаль-демократія предъявлять свои требованія къ настоящему времени. Народъ требуетъ дѣйствительнаго избавленія. такъ какъ всѣ условія для этого, наконецъ, на-лицо. Нищета, голодъ и муки прошлаго обусловливались въ большой степени недостаткомъ жизненныхъ средствъ. Теперь же дѣло обстоитъ иначе, и на кризисахъ денежномъ, торговомъ и промышленномъ въ течение послѣднихъ десятилѣтій видно, что рабочая сила остается неиспользованной какъ разъ вслѣдствіе бьющаго черезъ край богатства. Пусть амбары переполнены, пусть магазины ломятся отъ богатствъ, народъ голодаетъ и мерзнетъ вслѣдствіе того, что правящіе классы пресыщены богатствомъ, не покупаютъ рабочей силы или же покупаютъ по пониженной цѣнѣ! Обратите вниманіе на Англію, гдѣ недавно обсуждался проектъ—вывести на корабляхъ на государственный счетъ голодающихъ рабочихъ. Земной шаръ перенаселенъ, такъ какъ жизненные средства добываются почти безъ труда и напряженія. Задачей историческаго развитія до сихъ поръ было организовывать производство, трудиться, копить, создавать богатства. Во имя этого человѣкъ обреченъ былъ на положеніе орудія культуры; поскольку задачи послѣдней были достижимы этимъ рабствомъ—онѣ достигнуты. До настоящаго времени цѣлью была культура, средствомъ—человѣкъ. Теперь насталъ моментъ измѣнить положеніе вещей и сдѣлать человѣка цѣлью, а культуру—средствомъ. Первое условіе дальнѣйшаго развитія—свобода народа, его участіе въ потребленіи.

Вопросъ о продуктахъ носитъ характеръ временный и мѣстный, вопросъ же сбыта, потребленія, накопленія и избытка всеобщъ. Это національное богатство было до сего времени необходимымъ средствомъ развитія. Наполненіе рынка затруднило сбытъ, понизило цѣны, потрясло производство, иными словами, все это принудило производить, экономія на работѣ и трудѣ. Уменьшеніе труда и работы обусловливалось увеличеніемъ орудій производства, зависѣло отъ свободной конкуренціи. Слѣдствіе ясно—экономическое банкротство тѣхъ, кто не въ состояніи конкурировать. Такимъ образомъ, съ развитіемъ производства совпадаетъ со-

кращевіе потребленія. Богатство, еще такъ недавно бывшее необходимымъ средствомъ, становится причиной общественнаго застоя.

Быть можетъ, дорогіе слушатели, кто либо изъ васъ скажетъ, что я вижу то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ? Какъ бы современное богатство ни было велико, скажете вы, оно все же не достигло такихъ размѣровъ, чтобы изъ-за этого останавливалось производство и чтобы рабочимъ не хватало работы. Вѣдь повсюду еще вырастаютъ новыя фабрики, старыя продолжаютъ лихорадочно работать, желѣзныя дороги прокладываются, пашни вспахиваются, открываются новыя пароходные рейсы, прорываются каналы и открываются новыя рынки. И все-таки истина скрыта подъ личиною противорѣчій. Волье облекся въ овечью шкуру. Но кто не лишень зрѣнія, тотъ видитъ господствующую тенденцію, несмотря на то, что она скрыта; тотъ видитъ переполненіе рынка, тотъ видитъ пріостановку промышленности, несмотря на то, что трубы дымятъ. И кто могъ бы отрицать, что существуетъ потребность, имѣется на-лицо сила, чтобы удвоить, утроить, удесятерить производство. Пусть то тутъ, то тамъ земледѣліе улучшается, пусть машина совершенствуется, но вопросъ въ цѣломъ идетъ о потребителяхъ. И въ этомъ дѣлѣ все сводится къ избавленію человечества. Послѣднее же такъ возвышенно, что всѣ прочіе вопросы, имѣвшіе первостепенную важность, должны замолкнуть. Вся старая Европа, Пруссія, Австро-Венгрія, Англія, Ирландія и Польша, Франція и Россія замерли въ ожиданіи событій, которыя не сегодня—завтра осуществляются.

Политическія событія—только внѣшность, только легкая рябь на поверхности того, что бурлитъ въ глубинахъ исторіи, въ нѣдрахъ народной жизни.

Кто не лишень зрѣнія, тотъ видитъ, что всякій незначительный приливъ уже въ теченіе десятковъ лѣтъ ознаменовывается вдвое болѣе сильнымъ отливомъ. Во всѣхъ первоклассныхъ европейскихъ странахъ за каждымъ политическимъ прогрессомъ слѣдуетъ болѣе сильная реакція. Трехцвѣтное знамя свободы смѣняется цесаризмомъ, республиками — королевствами, искрящееся воодушевленіе — вялою апатіей. За каждой новой „эрой“ слѣдуетъ свой новый Бисмаркъ. Англія освобождаетъ ирландцевъ отъ государственной церкви, но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ преподноситъ имъ исключительный законъ, который превосходитъ даже прусское положеніе усиленной охраны. Франція, въ

лицѣ г. Оливье, произвела удивительныя пертурбаціи *). Правой ногой господинъ этотъ утвердился довольно прочно, лѣвой же онъ преспокойно двигалъ взадъ и впередъ, будто приводилъ въ движеніе самое колесо времени. Онъ усердно вертѣлъ это колесо—результатовъ однако не видно ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ Мадридѣ, ни въ Неаполѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ. О, вы близорукіе и малодушныя, не могущіе отрѣшиться отъ умѣренного органическаго прогресса.

Развѣ вы не видите, что всѣ ваши либеральныя попытки проявить сердечное попеченіе кончаются пустяками, такъ какъ на очереди стоитъ вопросъ громадной важности, вопросъ социальнаго избавленія! Развѣ вы не понимаете, что миру предшествуетъ борьба, созиданію—разрушеніе, планомѣрной организаціи—безпорядочное накопленіе матеріаловъ, ясной погодѣ—бура и гроза—всеобщему освѣженію?...

И ни одна изъ проблемъ настоящаго времени—ни эмансипація народовъ, ни эмансипація женщины, школы, воспитанія, ни уменьшеніе налоговъ, ни уменьшеніе постоянныхъ армій—ничто это не можетъ быть рѣшено раньше, нежели не будутъ раскованы кандалы, которыми рабочій прикованъ къ бѣдности и заботамъ. Исторія именно потому пребываетъ въ состояніи кажущагося покоя, что собирается съ силами для грандіозной катастрофы.

Соціалъ-демократія живетъ съ *вѣрой* въ побѣду правды, съ *надеждой* на избавленіе отъ экономическаго и духовнаго рабства и съ *любовью* къ равенству людей.

Современныя баловни судьбы, книжники и фарисеи, эгоисты и лицемеры именно потому и называютъ насъ фанатиками. Ихъ ограниченному и нелогичному пониманію вещей представляется, что разъ были счастливыя и несчастныя, богатые и бѣдные, господа и рабы, то такъ это вѣчно и будетъ. Они не допускаютъ возможности всеобщаго избавленія, такъ какъ они не понимаютъ народа. Народъ вѣдь это не кучка прожигателей жизни, ищущая наслажденій, лишь бы убить какъ-нибудь день. Не о роскошныхъ кутежахъ, съ цѣлью удовлетворенія низменныхъ инстинктовъ, онъ думаетъ: ему нужно планомѣрное производство, онъ стремится къ тому, чтобы обжорство одного лица не шло на счетъ голодовки цѣлой массы, онъ стремится добыть въ достаточномъ количествѣ „*хлѣбъ свой на-*

*) Писано до франко-прусской войны.

суициднй“. Отъ вашего царства до нашего, какъ до звѣзды небесной, далеко. А ваше-то царство, этотъ нынѣшній вашъ социальный режимъ, создали ли вы его, положивъ въ основу опредѣленную мысль, или же оно создалось скорѣй инстинктивно въ теченіе столѣтій? А теперь обратите вниманіе на скудныя потребности нашего народа, прибавьте сюда же современную продуктивность его труда, а затѣмъ задайтесь вопросомъ, не достаточно ли было бы уже одного только инстинкта, чтобы при посредствѣ находящихся на-лицо орудій труда вполнѣ удовлетворить потребности, затрачивая при этомъ сравнительно мало труда и старанія. Однако, социаль-демократія вовсе не дѣло инстинктивного чувства—напротивъ того, это продуктъ умственной работы, ясно постигшій—чего хочетъ и къ чему стремится, отличающійся отъ существовавшего до сихъ поръ безтолковаго хозяйства, производящаго безъ мѣры и цѣли, тѣмъ, что онъ организуетъ сознательно народное хозяйство.

Сознательная планомерная организація социальной работы — вотъ что является столь желаннымъ цѣлительнымъ средствомъ новѣйшаго времени.

II.

Раньше, чѣмъ продолжать, дорогіе слушатели, я вратцѣ резюмирую вышесказанное.

Въ социаль-демократическомъ движеніи мы нашли новую форму религіи, поскольку это движеніе преслѣдуетъ аналогичную религіи цѣль: освободить родъ людской отъ бѣдности, подъ бременемъ которой онъ, беспомощный, началъ свою борьбу за существованіе въ этомъ мірѣ превратностей. Даже самый вѣрующій человекъ понимаетъ, что въ религіозномъ избавленіи понимается, собственно говоря, избавленіе „духа“.

Различныя языческія божества едва ли внесли свою лепту въ эту духовную работу. Триединое божество христіанства проповѣдью благодати страданій нѣсколько облегчило тяготы народной жизни только потому, что оно научало видѣть въ нихъ добродѣтель. Извѣстно, что это ученіе для своего времени было цѣлительнымъ. Гдѣ человекъ еще безсиленъ и лишенъ средствъ сбросить съ себя свой крестъ, тамъ духъ покорнаго смиренія не только божественный бальзамъ, но и неумолимый бичъ, отлично подготовляющій его къ воспріятію умственной работы культуры. Религія культуро-

вала духъ; но какую же иную цѣль могла бы имѣть такого рода культура, если не совершенствовать при посредствѣ духа дѣйствительный, реальный міръ, матерію? Я прекрасно знаю, дорогие слушатели, что христіанство отрицаетъ эту единственную истинную земную цѣль своего существованія; я помню также тезисъ: „царство божіе не отъ міра сего“ и утверженіе, что задача христіанства исчерпывается спасеніемъ нашей безсмертной души. Но мы знаемъ также и то, что не всегда можетъ быть выполнено то, къ чему мы стремимся, и что нерѣдко желаніе расходится съ дѣйствіемъ. Мы различаемъ составленное о себѣ мнѣніе отъ того, что мы на самомъ дѣлѣ представляемъ собою. Материалистъ-демократъ особенно привыкъ цѣнить людей не по ихъ собственнымъ думамъ о себѣ, но по осязаемой дѣйствительности. Реально и конкретно цѣль религіи достигается только черезъ посредство матеріальной культуры. *Трудъ* мы назвали спасителемъ и избавителемъ рода человѣческаго. Наука и ремесла, умственный и физическій трудъ—только два различныхъ изображенія одной и той же сущности. Наука и ремесла, равно, какъ Богъ Отецъ и Богъ Сынъ, представляютъ собою двуединое понятіе. Эту истину, дорогие слушатели, я назову кардинальной догмой демократической церкви, если только демократія должна быть названа церковью, а всѣмъ яснымъ понятія—догматами. Наука такъ долго пыталась безплодными разсужденіями, что врядъ ли могла похвастаться какимъ-либо результатомъ, до тѣхъ поръ пока не пришла къ тому выводу, что для правильнаго мышленія, для изученія и пониманія какого-нибудь конкретнаго объекта необходимо обладать и соответствующимъ осязаемымъ инструментомъ. Связь мозговой и чувствительной дѣятельности выдѣлила естествознаніе изъ ряда прежнихъ спекулятивныхъ наукъ. Знанія древнихъ были по большей части спекулятивны, т.-е. они оперировали надъ науками только мыслью безъ помощи органовъ чувствъ, не умѣя пользоваться опытнымъ изслѣдованіемъ. Продуктъ этой работы, однако, никакъ нельзя назвать наукой. Ремесленники прежняго времени, наоборотъ, не отдѣляли продукта труда отъ умственной работы, и если теперь ихъ матеріальные продукты уже потреблены, то все же знанія этихъ дѣятельныхъ изслѣдователей въ большей своей части дошли до насъ. Въ то время, какъ содержаніе цѣлыхъ бібліотекъ, состоящихъ изъ дощечекъ и кожаныхъ фолиантовъ, могутъ, пожалуй, имѣть цѣнность только антиквар-

ную,—предація, передавая изъ поколѣнія въ поколѣніе ремесла, сохранили ихъ до насъ почти въ цѣльномъ видѣ. Подобно тому, какъ некультурные народы смотрѣли на социальный и политическій законъ, какъ на сверхъестественно дарованную милость и воздавали имъ почести, отрѣзывая себѣ тѣмъ самымъ путь къ пониманію этихъ законовъ, естественно вытекающихъ изъ хода развитія, такъ въ настоящее время только склонное къ благоговѣнію, не-самостоятельное и рабское міросозерцаніе можетъ признать умственную работу науки высшимъ существомъ, отрицать ея служебное значеніе, относиться къ ней, какъ къ идолу культуры. Демократія обязана на-ряду съ религіозными предразсудками уничтожать и научные. Люди не должны смотрѣть снизу вверхъ на науку, она должна быть низведена съ небесъ къ нимъ. Мы должны умственную работу сдѣлать орудіемъ матеріальнаго труда, и это не будетъ посягательствомъ на законныя требованія науки.

Доказанная безрезультатность спекулятивнаго изслѣдованія, доказанная бесплодность чистаго разума показала ученымъ, что для науки требуются опытные изслѣдованія. Съ другой стороны, ремесленникъ, имѣя предъ собою удивительные результаты новѣйшей индустріи, могъ понять, что только связи ея съ наукой мы обязаны чудесами промышленности.

Взаимная связь между умственнымъ и физическимъ трудомъ, въ концѣ концовъ, привела человѣчество къ тому основанію, на которомъ теперь уже заложенъ фундаментъ храма демократіи. Это основаніе заключается въ современной продуктивной мощи нашей промышленности.

Поостережемся, однако, подразумѣвать подъ этимъ исключительно духовную силу! Вся работа, накопленная за весь періодъ историческаго развитія вплоть до настоящаго момента, заключается не только въ духовныхъ или научныхъ приобрѣтеніяхъ, не только въ чистомъ знаніи, но гораздо въ большей степени въ наличномъ матеріальномъ благосостояніи, поскольку послѣднее является необходимымъ орудіемъ современнаго труда.

Пусть это орудіе или эти богатства въ настоящее время находятся въ частномъ владѣніи, однако всякій демократъ долженъ понять, что они не могли явиться плодомъ частнаго труда. Всѣ наши матеріальныя богатства, равно всѣ заключающіяся въ литературѣ духовныя богатства, могли быть произведены только совмѣстной работой мно-

гихъ различныхъ поколѣній, родовъ, странъ и народовъ, и хотя бы эти богатства въ настоящее время принадлежали частнымъ лицамъ на правахъ частной собственности, тѣмъ не менѣе они представляютъ общественный, коллективный продуктъ.

Великія открытія и изобрѣтенія, которыя обыкновенно связываются съ опредѣленными именами, составляютъ только номинальную собственность этихъ прославленныхъ людей. На самомъ же дѣлѣ, они, какъ и матеріальныя богатства, не что иное, какъ результатъ совмѣстной работы, продуктъ общества. Вѣдь тотъ фактъ, что въ блестящихъ именахъ исторіи видятъ не только славныхъ вожаковъ, но и полу-боговъ, не что иное, какъ несомнѣнный пережитокъ варварскаго міросозерцанія, отъ котораго еще до сихъ поръ не можетъ отрѣшиться масса ученаго и неученаго люда.

Если бы не Колумбъ, то, безъ сомнѣнія, какой-либо иной морякъ, имя котораго осталось скрытымъ въ сѣрой мглѣ, использовалъ бы скопившіяся идеи и средства для открытія пути въ Америку. Необходимая для этого даровитость и смѣлость среди моряковъ явленіе заурядное. „Конечно, онъ (такъ говоритъ англичанинъ Бокль объ Уайтѣ, изобрѣтателѣ паровой машины) самъ, безъ своихъ предшественниковъ, не могъ бы достигнуть того, чего онъ достигъ“. Все это вполне примѣнимо какъ къ людямъ, имѣвшимъ большой успѣхъ, прославившимся, такъ и къ обыкновеннымъ смертнымъ.

Особенно важное назначеніе образованія заключается въ томъ, уважаемые слушатели, чтобы все сверхъестественное, т.-е. все то, что кажется некультурному люду сверхъестественнымъ, уложить въ рамки обыкновеннаго, естественнаго, обычнаго или закономѣрнаго. Святые и святые, религіозныя и свѣтскія, должны пасть, уступивъ мѣсто единой, вѣчной и истинной святинѣ — человѣчеству. Для того, чтобы столь желанное братство, дѣйствительно, наступило, чтобы перестать смотрѣть на кого бы то ни было сверху внизъ, мы должны отрѣшиться отъ обыкновенія покорно смотрѣть снизу вверхъ. Демократъ не долженъ смотрѣть на правителя государства, какъ крестьянинъ на священника, какъ на лучшаго и высшаго избранника, или какъ на двуное божество. Всѣ мы — прирожденные правители, а тотъ, кто является правителемъ, только случайно завѣдуетъ обыкновенными дѣлами, простой управляющій, какихъ въ массѣ можно найти сотни. Колѣно Давидово и

Мельхиседеково должно раствориться въ одномъ единственномъ поколѣннн равноправныхъ гражданъ.

Но возвратимся, однако, снова къ ученію нашей соціалъ-демократической церкви, взирающей на скопленныя богатства матеріальнаго и духовнаго характера, какъ на краеугольный камень, и поучающей, что этотъ тяжелый камень заложенъ, правда, не безъ усилій единичныхъ лицъ или блестящихъ родовъ, но не ими исключительно, а явился продуктомъ непрестаннаго, изо дня въ день повторяющагося совмѣстнаго умственнаго и физическаго труда всего народа въ его цѣломъ. Политическіе шарлатаны и глупцы называютъ наше евангеліе грубой нивелировкой. Но кто изучалъ нашихъ отцовъ церкви, тотъ знаетъ, что современный порядокъ, основанный на рангахъ, что существующее различіе между высокопоставленнымъ человекомъ и мелкой сошкой, добрымъ и злымъ, разумнымъ и неразумнымъ проистекаетъ только изъ стремленія поставить *что-либо* и *кого-либо* въ привилегированное положеніе, а цѣлое, массу, или народъ, держать въ рабскомъ подчиненіи. Но, почтенные сограждане, равенство демократіи не фантастическое равенство, исключющее свою противоположность — различіе. Наша человѣческая природа одарила всѣхъ насъ одинаковыми потребностями—здѣсь на *этомъ* свѣтѣ утолять голодь, покрывать тѣло, развивать всѣ наши разнообразныя силы. Всѣ люди отъ природы одарены одинаковымъ желаніемъ прожить въ жизнерадостной дѣятельности безъ горечи и рабства. Торжество требованій не стираетъ различій, присущихъ каждому изъ насъ, сообразно силѣ и талантамъ нашей индивидуальности. И, подобно тому, какъ въ природѣ вещей *фактически* находятся и переплетаются такіа противоположности, какъ равенство и разносторонность, такъ и соціальная жизнь будущаго должна *уравнять людей* въ общественномъ положеніи и значеніи, предоставивъ, людямъ одинаковое право наслаждаться индивидуальной жизнью, не стирая при томъ индивидуальныхъ различій, ставягихъ каждому въ отдѣльности особую задачу; соціальная жизнь не должна препятствовать каждому въ отдѣльности быть счастливымъ на свой собственный ладъ. Наступило новое время— оно требуетъ, чтобы мы отвѣтили на его запросы новыми идеями, новымъ пониманіемъ.

Раньше всего и важнѣе всего для этой цѣли необходимо реформировать доминировавшую до сихъ поръ идею высшаго существа, понятіе совершенства. До сихъ поръ—возвышен-

ное, первичное, великое, совершенное и божественное постоянно искали и усматривали въ одномъ объектѣ или существѣ. Въ одномъ мѣстѣ дикія племена обоготворяли какое-нибудь дерево, въ другомъ совершенство это воплощалось въ золотомъ тельцѣ; то одухотворяли гнѣвное возмездие, олицетворенное въ громѣ и молніи, и, наконецъ, христіанство обожествило духъ любви. Почему же этотъ духъ любви былъ такъ несовершененъ? Потому что божественному духу недоставало его противоположности—крови и плоти. Мы только тогда этому духу любви придадимъ живую сущность, когда будемъ искать совершеннаго, великаго не въ одномъ какомъ-либо единичномъ предметѣ, не въ одной какой-либо единичной особенноти и не въ какой-либо отдѣльной личности, а въ *общестѣ*, во взаимодействіи всѣхъ людей и объектовъ. Разныя народности въ разное время обожествляли, какъ высочайшія совершенства, разнообразнѣйшіе предметы—то физическую силу или воинскую храбрость, то самаритянское состраданіе или силу интеллекта. Но все это оказалось чѣмъ то непостояннымъ. Божественныя особенности оказались такъ же преходящи, какъ и сами боги и самое время, въ которомъ такъ долго искали истиннаго бога, и, наконецъ, всплыло сознаніе, что и объекты, и люди—всѣ въ равной мѣрѣ высоки и одарены, всѣ одинаковы, совершенны и божественны. Я уже слышу голоса еретиковъ, т.-е. враговъ нашего евангелія. Изъ всѣхъ силъ надрываются они, суля несчастія и смерть, если это порочное богохульство пріобрѣтетъ силу. Люди классоваго инстинкта не могутъ представить себѣ общезитія безъ различія господъ и рабовъ, знатныхъ и черни, добрыхъ и злыхъ; имъ кажется несуразнымъ, что искривленное дерево равноцѣнно строевому, что осель эквивалентенъ мельнику. Истинно говорю вамъ—чѣмъ разумнѣе мельникъ, тѣмъ выше онъ цѣнитъ своего осла. Оба они, какъ и все вообще прочее, тѣмъ равноцѣнны, что одинъ другому нуженъ, что каждый изъ нихъ на своемъ мѣстѣ и въ свое время представляетъ чрезвычайно цѣнную часть цѣлаго. Вотъ это, и только это вкладываетъ демократическое ученіе въ понятіе всеобщаго равенства.

Уничтожьте понятіе о единомъ божествѣ и вы разрушите всякую чертовщину. Поэтому ничѣмъ нельзя пренебречь, все должно быть поставлено въ скинію, чтобы въ соотвѣтствующій моментъ и на опредѣленномъ мѣстѣ по мѣрѣ силъ своихъ служило человѣчеству. Человѣчество, по-

стигшее тайну воедино связывать живой нитью неодушевленные предметы земного шара, представляет высочайшую сущность воплощенного божественного совершенства.

Социаль-демократическое равенство, возлюбленные слушатели, поэтому нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ пошлое и недѣльное политическое равенство, которымъ наши либеральныя партіи хотѣли бы накормить народъ. *Они добиваются политическаго равенства* для того, чтобы мы имъ содѣйствовали въ установленіи такого режима, при которомъ они могли бы насъ достаточно сильно эксплуатировать въ цѣляхъ удержанія и увеличенія своихъ богатствъ. Наше же равенство заключается въ стремленіи вручить эти богатства тому, кто создавалъ ихъ своимъ неустаннымъ трудомъ на протяжении исторіи, т.-е. *народу*. Наличное благосостояніе является орудіемъ грядущаго труда. Какъ теперь оно служитъ хозяйственнымъ цѣлямъ частныхъ лицъ, такъ оно должно служить въ такой же мѣрѣ будущему народному хозяйству. Это орудіе не должно быть „раздѣлено“ такъ, чтобы у одного оно было, а другимъ не досталось, вслѣдствіе чего бобыль попалъ бы въ кабалу или рабство къ обладающему имъ; равнымъ образомъ, не слѣдуетъ его дѣлить такъ, чтобы каждому досталось по равному кусочку, чтобы получившій свою долю истомился надъ нею или, наоборотъ, хитрой спекуляціей „приобрѣлъ“ добро и имущество ближняго. Нѣтъ! Эти богатства, это великое орудіе труда не должно быть „раздѣлено“, но должно подлежать использованию путемъ организованнаго труда на коллективистскихъ началахъ, продуметъ же долженъ быть „подѣленъ“ и потребленъ. Вотъ въ этомъ и заключается коммунизмъ социаль-демократіи.

Пока природа, властвовавшая надъ человѣкомъ, какъ непобѣдимый рогъ и всемогущее божество, держала его въ порабощеніи и бѣдности, до тѣхъ поръ господство единичныхъ лицъ или отдѣльныхъ классовъ въ качествѣ вожаковъ было еще терпимо.

Древнее, равно феодальное и современное гражданское рабство не что иное, какъ послѣдовательные шаги на пути въ организациіи труда. Но близится время, когда необходимо сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ, тотъ шагъ, о которомъ на нашихъ глазахъ отжившая прогрессивная партія не могла имѣть и представленія. Народъ, достигнувъ богатой производительности, уже стоитъ на такомъ уровнѣ, гдѣ онъ можетъ требовать, чтобы всякаго рода господство прекра-

тилось. Онъ чувствуетъ себя призваннымъ продолжать историческое развитіе, не прибѣгая къ помощи привилегированныхъ вождей. Свобода, именемъ которой буржуазія прельщаетъ народъ для борьбы съ феодальнымъ дворянствомъ и бюрократіей, равенство и братство, которыя такъ намъ расхваливаютъ поны, для того, чтобы связать насъ цѣпями суевѣрія во имя ихъ клерикальнаго господства, разбиваются о *дѣйствительную свободу, равенство и братство* социальной демократіи.

Если религія сводится къ вѣрѣ въ неземную и сверхземную матеріальныя существа и силы, къ упованію на боговъ и духовъ, то *въ такомъ случаѣ демократія вовсе не имѣетъ религіи*. Мѣсто ея въ демократіи занимаетъ сознаніе безсилія отдѣльнаго человѣка, который для своего усовершенствованія нуждается въ общественной организаціи и въ силу этого подчиненъ ей. Культурное человѣческое общество— вотъ высшее существо, въ которое мы *вѣруемъ*, наши надежды возлагаются на социаль-демократическій строй. Только этотъ строй реализуетъ *любовь*, о которой религіозные фантазеры могли лишь до сихъ поръ мечтать. Пусть люди закоснѣлые въ суевѣрія и ограниченные, не находящіе въ себѣ вѣры въ демократическое развитіе общества, переносить свои надежды и свою любовь въ „тотъ міръ“.

Демократъ далекъ отъ этого. Чтобы дѣйствительно приобщиться утѣшеній, которыя вѣрующіе находятъ въ идеѣ Отца—заступника и спасителя земныхъ своихъ дѣтей, мы стремимся къ общественной организаціи, которая защитила бы человѣка въ его безпомощности и поддерживала бы во всѣхъ его нуждахъ. Мы требуемъ отъ общества—и, въ силу исторически приобрѣтеннаго богатства, мы имѣемъ право требовать, — чтобы оно гарантировало намъ не только работу, но „хлѣбъ нашъ насущный“ — повседневный, чтобы оно голоднаго накормило, нагого одѣло, больного исцѣлило, однимъ словомъ, чтобы оно проявляло всѣ стороны любви и милосердія. Мы требуемъ отъ общества, чтобы оно не только было *человѣческимъ*, но и *человѣчнымъ*. На мѣсто религіи демократія поставила *человѣчество*, въ томъ убѣжденіи, что спаситель, долженствующій насъ освободить отъ всѣхъ немощей, пребываетъ только въ социальной братской работѣ, въ *экономической общности*. Истинный первородный грѣхъ, до сихъ поръ тяготѣвшій надъ родомъ человѣческимъ,—это эгоизмъ. Моисей и пророки, всѣ законодатели и моралисты, вмѣстѣ взятые, не могли освободить человѣче-

ство отъ эгоизма; Библія говоритъ: „Грѣхъ сидитъ въ тѣлѣ такъ же, какъ гвоздь въ стѣнѣ“. Никакое красивое слово, никакая теорія и никакое положеніе не въ состояніи поборотъ этотъ грѣхъ, такъ какъ на немъ, какъ на гвоздѣ, виситъ организація всего общества. Буржуазное общество опирается на эгистическое различіе *моего* и *твоего*, на социальную войну, на конкуренцію, на ухищреніе и эксплуатацію одного другимъ.

А въ заключеніе, мораль: социаль-демократія требуетъ—и на этомъ требованіи зиждется вся ея сущность,—чтобы мы примирили противорѣчія любви и эгоизма, чтобы общество организовалось на этомъ примиреніи, чтобы человѣкъ человѣку протянулъ руку, чтобы объединенными силами и совмѣстными трудомъ мы вынудили природу на богатую жатву. Аминь.

III.

Уважаемые слушатели! Раньше, чѣмъ я стану говорить о выводѣ, которымъ закончена предыдущая глава, я обращаю ваше вниманіе на существеннѣйшія формы религіи и на общія всѣмъ имъ точки соприкосновенія. Я не имѣю въ виду ни христіанства, ни іудейства, ни магометанства, ни язычества,—я буду говорить о божественномъ по преимуществу. Въ религіи, какъ и въ демократіи, мы находимъ тождественную, общую черту—стремленіе въ избавленію. Но демократія идетъ впереди религіи потому, что она ищетъ спасенія не въ духѣ, а въ тѣлесной, матеріальной дѣйствительности черезъ посредство человѣческаго духа, или черезъ посредство крови и плоти. Потребность въ избавленіи—это нужда первобытныхъ, некультурныхъ людей, причина происхожденія религіи.

Тяжелая безпомощность въ мірѣ нужды заставляетъ человѣка искать всемогущества и совершенства въ иномъ какомъ либо мѣстѣ, заставляетъ его почитать животныхъ, звѣзды, деревья, молнію, вѣтеръ, единичныхъ лицъ и т. д. Но когда съ теченіемъ времени ясно убѣдились, что эти предметы совершенно безпомощны и безсилны, то человѣкъ принужденъ былъ пойти дальше и искать высшее существо не вблизи и не въ осязаемыхъ формахъ, а остановиться на духовномъ существѣ, возсѣдающемъ надъ облаками. Однако составить себѣ ясное понятіе объ этомъ отвлеченномъ божествѣ было гораздо труднѣе. И все же

современная наука, долго пребывавшая въ тѣни мистицизма, проложила себѣ путь и, въ концѣ концовъ, вскрыла тайну религіи.

Правящіе, образованные классы, пекущіеся объ истинѣ и наукѣ, поскольку эти послѣдніе споспѣшествуютъ приумноженію ихъ сокровищъ или сохранности ихъ привилегій, собственно говоря, грубые матеріалисты, для которыхъ нѣтъ ничего святого, за исключеніемъ эгоистической заботы о желудкѣ и неизмѣннаго тщеславія. Они обычно говорятъ: о религіи ничего нельзя сказать, такъ какъ о ней ничего *нельзя знать*. Но смѣю васъ увѣрить, дорогіе слушатели, что религія со всей ея таинственной и непонятной важною не сумѣетъ защитить себя отъ остроты научной мысли, отъ остроты, проникающей до самыхъ глубинъ ея, пока сокровеннѣйшіе уголки ея окончательно не прояснятся. Съ такою же опредѣленностью, съ какою мы знаемъ, что $2 \times 2 = 4$, что между двухъ горъ обязательно пріютилась долина, и что эти положенія сохраняютъ силу аксіомы одинаково и на землѣ, и на небѣ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, съ такою же положительностью мы знаемъ, что такое богъ и что представляетъ религія, гдѣ и тотъ и другая начинаются и гдѣ кончаются, гдѣ происхожденіе ихъ и гдѣ предѣль.

Прагматичные классы, въ своемъ сознательномъ или бессознательномъ лакействѣ, заинтересованы въ томъ, чтобы à la Döllinger всячески протестовать противъ серьезной религіи, такъ какъ серьезная религія портитъ имъ наслажденія земными благами. Ибо кто дѣйствительно вѣруетъ и надѣется на вѣчное блаженство, тотъ теряетъ аппетитъ къ скоропреходящимъ наслажденіямъ этого міра. Религіозный и политическій либерализмъ находится въ тѣснѣйшей связи со всѣми сокровищами, со всѣми способами современной наживы. Дворянство прошлаго, погреба и кухни котораго были всегда переполнены вслѣдствіе барщины и кровавой десятины, было вѣрнымъ другомъ и преданнымъ адептомъ церковной братіи. Крупныя современныя фирмы, которыя „зарабатываютъ“ на расходы по содержанию своего двора, эксплуатируя другого, и прикрываются при этомъ либерализмомъ, эти крупные капиталисты, говорю я, болѣе чѣмъ чужды ортодоксальной проповѣди христіанскаго смиренія и воздержанія и даже не симпатизируютъ ему.

И все же нельзя серьезно считаться ни съ вѣрой, ни съ невѣріемъ либерализма. Благодаря своему привилегирован-

ному социальному положенію, имущіе и „образованные“ обречены на то отвратительное равнодушіе, на тотъ *индифферентизмъ*, который ни холодеетъ и ни горячъ. Не нужно серьезно считаться съ ихъ религіознымъ масонствомъ, съ ихъ протестомъ противъ суевѣрій (въ сущности вѣдь всякая вѣра — суевѣріе), потому что религіозное смиреніе народа служить могущественной опорой ихъ социальнаго господства. Если бы они сами и потеряли вѣру въ бога, то тѣмъ не менѣе они не устанутъ повторять его заповѣди: „Кесарю кесарево“, „Повинуйся властямъ, молись, работай и носи свой крестъ дальше со всѣмъ смиреніемъ и долготерпѣніемъ“. Стремясь на дѣлѣ со всѣмъ пыломъ взобраться вверхъ—къ власти и богатству, они обманываютъ насъ и, быть можетъ, самихъ себя, что вѣрують во владыку, который первыхъ можетъ сдѣлать послѣдними, а послѣднихъ первыми. Безхарактерныхъ національ-либераловъ можно легко уличить въ ихъ религіозномъ лицемеріи.

Крупные промышленники, съ ихъ титулованными прислѣжниками и наемными слугами—профессорами, судьями, адвокатами и т. п., мечтають о религіозной свободѣ въ такой же мѣрѣ, какъ и о свободѣ наживы и конкуренціи. Человѣку предоставляется полная свобода исповѣданія. Но горе тому, кто сочтетъ ихъ фразы искренними; горе тебѣ, если ты хочешь остаться свободнымъ отъ какой бы то ни было религіи! Пожалуй, ты можешь принадлежать къ какой-либо свободомыслящей общинѣ, но не придерживаться никакой религіи, нѣтъ, этого нельзя потерпѣть! Да и въ самомъ дѣлѣ, если народъ перестанетъ вѣровать, кто же сочтетъ вашу собственность священной и кто будетъ поставлять пушечное мясо отечеству?

Мелкобуржуазный ремесленникъ, догадывающійся и подмѣчающій, что техническія усовершенствованія выбьютъ его изъ колеи, ничего не знаетъ и знать не желаетъ объ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ науки.

Точно такъ же поступаютъ „имущіе и образованные“ по отношенію къ религіи. Они обыкновенно говорятъ: „если всмыслима доказательность“ истины религіи, то еще менѣе доказуемо противоположное. Только въ силу того, что ихъ интересы противорѣчатъ пониманію этой задачи, они не знаютъ и не желаютъ знать, что почти полстолѣтія назадъ, благодаря Фейербаху, было ясно и окончательно доказано, что каждая религія—продуктъ чловѣческаго невѣжества.

Человѣческая раса имѣетъ то преимущество, что она разнообразила и придавала *высокую цѣну*, смотря по времени и мѣсту, *различнымъ объектамъ и различнымъ свойствамъ*; что она, въ противовѣсъ породѣ обезьянъ, не застыла разъ навсегда и, не ограничиваясь подражаніемъ, постоянно создавала высокое и вѣчное, короче — она *дѣлала исторію*.

„Исторія“, которую преподають въ нашей современной школѣ, — скучная хронологія рожденій и смертей владѣтельныхъ особъ, повѣствованіе о большихъ и малыхъ войнахъ, сраженіяхъ, договорахъ и т. п., тогда какъ ея истинное и всеобъемлющее содержаніе заключается въ томъ, что человечество, его племена и роды *образуютъ живой организмъ*, каждый членъ котораго служитъ дѣлу дальнѣйшаго развитія цѣлаго. Цѣль и требованія этого развитія сводятся къ тому, чтобы все существующее служило человѣческимъ потребностямъ, чтобы утилизировать природу, чтобы черезъ посредство нашего духа принести систему въ міръ. Процессъ этотъ протекаетъ медленно, шагъ за шагомъ, сопровождаемый толчками и остановками.

Люди, изучающіе природу и проникающіе своимъ острымъ взоромъ въ ея неизмѣримыя богатства, охотно признають, что историческій процессъ, если и сводится къ тому, чтобы человѣкъ сдѣлать властелиномъ вселенной, все же до сихъ поръ еще не служитъ объектомъ сознанія. Гораздо большую роль здѣсь играетъ сущность матеріи, силы природы, которыя на протяженіи долгихъ періодовъ времени побуждали и продолжаютъ побуждать историческій процессъ къ непрерывному прогрессу. Этотъ длинный путь, начавшійся хаосомъ, смѣнившись зачатками первобытной жизни, перейдя черезъ періодъ микроскопическихъ растений, элементарнѣйшихъ животныхъ организмовъ, непрестанно развѣтвляясь и видоизмѣняя формы, привелъ къ рожденію человѣка (Линней, Кювье, Гумбольдтъ, Ламаркъ, Лайелль, Дарвинъ и т. д.). И тѣ же силы природы, создавшія вселенную, исторически развили и высочайшее твореніе, одаренное разумомъ, *Genus homo*. Какъ уже сказано, этотъ ходъ развитія научаеъ человѣка понимать разнообразныя явленія природы и міра, научаеъ родъ человѣческой, племена, народы, націи и поколѣнія со всѣми ихъ духовными и матеріальными богатствами, добытыми на историческомъ пути, разсматривать какъ сочленованный организмъ. По временамъ въ этомъ историческомъ процессѣ первенствующее мѣсто занимали животныя, растенія, созвѣздія, человѣкъ

или законъ, слѣпо обоготворяемые религіознымъ чувствомъ. Божество, т.-е. содержаніе религіи, не имѣетъ постояннаго, вѣчнаго характера, а представляется переходящимъ и временнымъ. Понятіе божественнаго, понятіе болѣе цѣннаго, такъ часто мѣнялось сообразно обстоятельствамъ и времени, что для научнаго мышленія не остается сомнѣній въ измѣнчивости священнаго и вѣчнаго. Наука объ этомъ высказывается категорически, безъ колебанія. То, что религія ставитъ выше всего, для исторической дѣйствительности имѣетъ значеніе лишь во времени и пространствѣ.

Вѣрующіе съ гордостью указываютъ на то, что всѣ народы, дикіе и культурные, имѣютъ религію, вѣрують въ бога. Они придерживаются возрѣнія, что вѣра врождена человѣку, и на этомъ хотятъ построить доказательство своей правоты. Но вѣрно только то, что некультурные дѣйствительно слѣпо вѣрують, и то, что чѣмъ человѣкъ неопытнѣе и некультурнѣе, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе его вѣра. Въ наше время крестьяне и женщины — почти единственно истинные приверженцы религіи. Достаточно одного взгляда, и не остается сомнѣній, что вѣровали не въ одного бога, а во многихъ, что была не одна религія, а много. Такъ какъ человѣкъ воспринимаетъ міръ только по окружающему, то онъ обожествляетъ различныя явленія — то солнце и луну, то собаку, какъ персы, или кошку, какъ египтяне. Но демократическое познаніе, въ концѣ концовъ, должно придти къ тому, что нѣтъ ничего божественнаго и въ то же время свято все то, что оказываетъ неопредѣлимые услуги. Всему, что цѣнили язычники въ своихъ безчисленныхъ богахъ, олицетворяя въ Вакхѣ—вино, въ Венерѣ—любовь и т. д., суровость, которую евреи ставили выше всего въ своемъ Іеговѣ, перевоплощеніе, страданіе и смерть за ближняго, безконечную любовь и состраданіе, пренебреженіе земными благами, воздержаніе и celibacy и т. д. и т. д., что христіане такъ чтятъ въ своемъ богѣ — всему этому мы придаемъ значеніе временное и мѣстное, а не надѣляемъ характеромъ вѣчнымъ. Не предметы, почитаемые религіями, должны быть отброшены, но та религіозная сущность, которой, благодаря почитанію, придается характеръ вѣчнаго и абсолютнаго.

Сущность религіи заключается въ томъ, чтобы олицетворить тѣ явленія природы, частной жизни и человѣка, которыя, сообразно времени и обстоятельствамъ, приобретаютъ большое значеніе; чтобы поставить все это на такую

высоту съ которой они навсегда приобрѣли бы доминирующее значеніе.

Религіозная истина прямо противоположна дѣйствительности. Не богъ создалъ человѣка, но всегда, во всѣ времена человѣкъ создавалъ по своему подобію боговъ. Если бы дать наши священныя книги какому-либо племени, отдѣленному отъ насъ безграничнымъ пространствомъ, обитающему хотя бы на дугѣ, но обладающему здравымъ смысломъ, то оно приметъ ихъ не какъ даяніе небснаго бога, а объяснитъ ихъ той степенью культуры, на которой стоятъ создавшіе ихъ люди.

Наша современность чрезвычайно близка къ тому, чтобы совершенно отрѣшиться отъ религіи. Объ этомъ можно судить по нашимъ въ высокой степени неяснымъ, туманнымъ идеямъ о богѣ и его свойствахъ. Въ то время, какъ о существованіи какихъ угодно предметовъ люди знаютъ только потому, что самый фактъ существованія этихъ предметовъ, время и мѣсто ихъ пребыванія имъ безусловно извѣстны,—въ бытіи бога они хотя бы быть убѣжденными, не имѣя понятія о томъ, человѣческаго или нечеловѣческаго онъ образа, великъ онъ или малъ, мужчина или женщина. Такъ какъ богословы не находятъ никакого отвѣта на эти вопросы, то они ихъ называютъ матеріалистическими и нескромными.

Наиболѣе прогрессивныя между ними уже признають, что даже то небольшое, что собратьямъ извѣстно о богѣ, когда они называютъ его справедливымъ, добрымъ, мудрымъ, всемогущимъ, вовсе не религіозныя, а мірскія, человѣческія свойства, которыя мы находимъ здѣсь, внизу, на землѣ и для чего вовсе нѣтъ надобности возноситься на небеса. Поэтому, подобное надѣленіе божества различными атрибутами ученые называютъ антропоморфизмомъ, т.-е. въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ очень цѣнитъ справедливость, онъ приписываетъ ее богу, а когда для него главную роль играютъ тѣлесныя свойства, онъ надѣляетъ ими своихъ боговъ. Передовые богословы знаютъ объ этомъ и поему не хотятъ и слышать о детальномъ описаніи божества. Но развѣ не глупо стремиться познать кого-либо при полной невозможности постигнуть, гдѣ онъ, каковъ онъ и какими особенностями онъ отличается? Чѣмъ ниже на скалѣ историческаго развитія стоитъ идея божества, тѣмъ тѣлеснѣе она, чѣмъ современнѣе форма религіи, тѣмъ болѣе туманный и неопредѣленный характеръ она приобрѣ-

таеть. Историческое развитіе религіи состоитъ въ ея постепенномъ исчезновеніи. Раньше я, дорогие слушатели, называлъ религію наслѣдіемъ челоѣческаго невѣжества; это значитъ, что она заполняетъ пробѣлы нашего знанія. Чѣмъ больше эти пробѣлы, тѣмъ шире религіозныя начала. Божество регламентируетъ трудъ повседневной жизни дикихъ племенъ; имъ освѣщается социальное, буржуазное и политическое законодательство. Богъ Авраама, Исаака и Іакова заботится о мельчайшихъ деталяхъ — предписываетъ количество омовеній, указываетъ, гдѣ должно быть запряжено сильное или слабое животное—впередъ или позади, и т. д. И религія Конфуція регламентируетъ всякія мелочи. Современные цивилизованные народы оставляютъ богу только то, что имъ не удалось отнять у него, т.-е. распоряженіе погодой, исцѣленіе неизлечимыхъ болѣзней и т. п. Для просвѣщенныхъ людей благословенное имя бога не что иное, какъ А, какъ первая буква ихъ міросозерцанія. Вселенная, разъ зачавшись, уже неуклонно и планомерно движется сама по себѣ. Все въ мірѣ естественно, только первопричина въ глазахъ этихъ нехристіанствующихъ христіанъ сверхъестественна или божественна. Поэтому-то они и не хотятъ разбивать вѣры въ бытіе бога, вѣры, къ тому же не лишенной, какъ это, впрочемъ, всегда было, блаженной цѣли обуздыванія „необразованныхъ“. Единственно существующей общей точкой соприкосновенія между религіей нашей прогрессивной современности и катехизисомъ — это такъ называемый „нравственный міровой порядокъ“.

Но такъ какъ мало-по-малу выяснилось, что въ основѣ нравственности лежатъ чисто земныя причины, то эта общая точка становится шаткой и туманной. Какъ только поняли, что этика не есть божественное откровеніе, а, наоборотъ, только то было освящено божескими законами, что уже раньше считалось нравственнымъ, какъ только поняли, что этика старше самого бога, церковь окончательно лишилась всякой почвы. Если бросить взглядъ на религіозную жизнь языческаго прошлаго съ его богами и богинями, обитающими въ каждомъ углу, во всякомъ деревѣ и каждомъ кустикѣ, если сравнить глубокую религіозность первоначальнаго христіанства съ массой его чудесъ и божествъ и сопоставить со всѣмъ этимъ современную религію, столь далекую отъ всего этого, то каждый безпристрастный наблюдатель согласится, повторяю, что прогрессъ, или развитіе, религіи заключается, главнымъ образомъ, въ

ея уничтоженіи. Такой ходъ дѣла вполне соотвѣтствуетъ положенію вещей на землѣ. Новорожденный въ день своего рожденія начинаетъ свой путь къ смерти. Но, дорогіе слушатели, о религіи уже больше не должно говорить. какъ до сихъ поръ, что она вѣчна, что она посланница небесъ, — она не больше, какъ простое, преходящее явленіе.

Самой рѣшительной, самой послѣдней, слѣдовательно наиболѣе сильной опорой религіи для свободомыслящихъ была цѣлесообразность въ природѣ, цѣлесообразность, которую нельзя отрицать. Кто станетъ отрицать удивительный порядокъ, гармонию, организованность или планоустроенность естественнаго порядка вещей? Мы могли бы подкрѣпить только-что сказанное безчисленнымъ множествомъ примѣровъ. Мы могли бы указать на кукушку, напримѣръ, которая, пользуясь пестротой яицъ, подкладываетъ ихъ въ гнѣзда разныхъ птицъ, но ограничимся только указаніемъ на то, что все живущее, передвигающееся и летающее — матерія, животное, человѣкъ — составляетъ цѣлесообразный организмъ, составляетъ часть цѣлага. Признать развитіе прогрессирующей организациі не только природы, но и человѣческаго общества — вотъ специальная задача социаль-демократіи.

Глубокая пронизательность социаль-демократіи заключается въ томъ, что она религію, этику, собственность не рассматриваетъ уже, по примѣру прошлаго времени, какъ какія-то священные особенности, а считаетъ ихъ обыкновенными частями цѣлага, способными къ развитію и стремящимися къ нему. Развѣ можетъ она при этомъ отрицать, что въ цѣломъ живетъ нѣчто высшее, чему подчинены отдѣльныя части? Потому мы и не должны опускаться до религіознаго и мистическаго. Опытъ просвѣтилъ насъ настолько, что мы распознаемъ уже тотъ подводный камень, о который до сихъ поръ иногда спотыкается мысль въ своемъ стремленіи къ истинѣ. Ученые назвали это тяжеловѣснымъ словомъ — антропоморфизмъ. Здѣсь сказалась некультурная манера некультурныхъ народовъ, отрѣшиться отъ которой такъ безконечно трудно, а, именно, манера измѣрять внѣшній міръ масштабомъ своего собственнаго духовнаго міра. Въ силу того, что человѣкъ преслѣдуетъ свою цѣль сознательно и произвольно, онъ всеобщую закономерность природы строить на земной образецъ, надѣлая ее сознательностью и волею.

Пусть свободомысліе дошло ужъ даже до того, что о личномъ божествѣ больше нѣтъ рѣчи, и все-таки, въ та-

кихъ случаяхъ, нивѣдь не рискуютъ еще отказаться отъ философской мистики, повѣствующей о волѣ и понятіяхъ безсознательныхъ объектовъ, о философіи безсознательнаго. Нельзя отрицать, что мертвой матеріи присуща на самомъ дѣлѣ живая энергія въ организовыванію, что матеріальный міръ, слѣдовательно, не мертвъ, а живъ, однако о волѣ и пѣльяхъ матеріи необходимо говорить только *сравнительно*. Что касается животныхъ, то эта всеобщая интеллектуальность ограничивается исключительно животнымъ инстинктомъ, и только въ мозговой дѣятельности человѣка, въ нашемъ сознаніи она выражается интензивнѣе всего. Равно какъ сумерки, независимо отъ силы ихъ свѣта, не могутъ быть названы свѣтлымъ днемъ, такъ *закономѣрность* внѣ человѣка, воля, представленіе и интеллектуальность природы не могутъ быть названы этими именами.

Если, однако, я выше, дорогіе слушатели, и позволилъ себѣ говорить объ этомъ, то съ исключительной цѣлью впоследствии дискредитировать эту манеру выражаться. Нельзя отрицать, что и въ естественныхъ объектахъ имѣется разумъ. Но какъ же человѣкъ, существо, одаренное разумомъ, могъ появиться безъ помощи религіи, естественнымъ путемъ? Кто признаетъ разумъ, этотъ рычагъ всей систематики и законмѣрности, продуктомъ естественныхъ причинъ, не можетъ игнорировать систематической законмѣрности природы. И все же единственный существующій духъ—*это духъ человека*. Ни въ бѣгѣхъ звѣздъ, ни въ яйцахъ кукушки нѣтъ сознанія; нѣтъ пониманія въ постройкѣ улья и въ головѣ муравья или обезьяны; и только въ формѣ работы человѣческой мысли сознаніе заслуживаетъ названія духа или разума. Нашъ духъ—это высшее существо. Не бойтесь, однако: этимъ еще не сказано, что онъ долженъ быть помѣщенъ на высокій алтарь религіознаго божества.

Понятіе о высокомъ или низкомъ обозначаетъ, въ дѣятельности, только организованность большей или меньшей степени. Чѣмъ несамостоятельнѣе часть объекта, чѣмъ больше она функционируетъ, какъ органъ, чѣмъ больше она подогнана къ цѣлому, чѣмъ разностороннѣе она согласуется съ другими частями, тѣмъ выше она стоитъ на скалѣ естественнаго ряда. Наше сознаніе, это—общій центральный органъ, это—универсальное средство общенія у людей. Но чѣмъ бы оно ни было, оно, съ демократической точки зрѣнія, какъ и самъ богъ, только контактъ, сопри-

касающийся со всѣми объектами. Ученые, какъ Фогтъ, пространно трактовали о томъ, что разнятся другъ отъ друга цѣликомъ и что только частью; люди и обезьяны— мало ли отличающіеся другъ отъ друга породы, или же два совершенно различныхъ рода?

И это въ то время, когда логика, познаніе духа, уже издавна имъ открыла, что есть только одинъ родъ: міровыя явленія, *все же прочее только разновидности*. Сознательное или бессознательное, добро или зло, растеніе или животное, всевозможные контрасты, разнообразіе противоположностей должны разсматриваться, какъ различные формы одной и той же сущности, которыя переходятъ послѣдовательно другъ въ друга, постоянно ведутъ борьбу за существованіе, путемъ естественнаго подбора постоянно обновляются и совершенствуются.

Изъ хаоса міръ доразвился до одареннаго сознаниемъ челоуѣка, на которомъ теперь лежитъ отградная обязанность и который способенъ повести къ дальнѣйшему прогрессу нашу еще въ достаточной мѣрѣ хаотичную землю, путемъ изучения и организациі ея силъ.

Въ бессознательномъ выполненіи этого призванія были въ исторіи поворотные пункты, въ теченіе которыхъ египтяне относились съ религіознымъ чувствомъ къ кошкамъ, персы—къ собакамъ, евреи—къ закону, христіане къ челоуѣчности и т. д. Но гдѣ челоуѣкъ понялъ свою задачу, гдѣ онъ понялъ, что является абсолютнымъ организаторомъ, тамъ на мѣсто религіи появлялась антирелигіозная социальдемократія.

IV.

Это, собственно, насторская привычка—говорить съ каедръ. Каедра, христіанство, религія—все это предметы, названія, которыми многіе злоупотребляли. Искреннему челоуѣку уже должно быть противно соприкасаться со всѣмъ этимъ. И, тѣмъ не менѣе, необходимо подойти къ нимъ непосредственно, близко, чтобы разъ навсегда раздѣлаться со всѣмъ этимъ.

Часто въ исторіа случается, что одни предметы превращаются въ другіе, не успѣвъ получить еще новаго названія; непросвѣщенному уму, тѣмъ самымъ, эти новые объекты кажутся все тѣми же, не измѣнившимися старыми. То же явленіе наблюдается въ отношеніи къ каедрѣ,

христіанству и религіи. Этимъ консервативнымъ маневромъ поощряется самое низменное затменіе умовъ. Иногда мѣ удастся поймать на этомъ уважаемыхъ товарищѣй. Говорятъ: Христось—первый социалистъ. Но социализмъ и христіанство отличаются другъ отъ друга, какъ день отъ ночи. Правда, тутъ есть кое-что и общее. Но въ чемъ разница? Гдѣ сходство? День и ночь сходны тѣмъ, что оба они составляютъ опредѣленный моментъ безграничнаго времени. Дьяволъ и архангелъ, несмотря на то, что у одного изъ нихъ черная кожа, у другого бѣлая, сходны, однако, въ томъ, что кожа-то есть у обоихъ. Специальная особенность нашей интеллектуальности сказывается въ томъ, что мы способны самыя разнообразныя вещи подводить подъ одно общее понятіе.

Если бы даже христіанство и социализмъ имѣли много общаго, то все же тотъ, кто Христа произвелъ въ социалиста, заслужилъ бы титулъ „генерала отъ общественнаго затемнѣнія“.

Однако, недостаточно еще указать общія черты,—необходимо понять и разницу между ними. Наша задача имѣетъ въ виду не черты, общія социализму и христіанству, а то, что присуще первому, чѣмъ онъ выдѣляется и чѣмъ отличается отъ втораго.

Выше мы назвали христіанство религіей рабства. И на самомъ дѣлѣ, это самая существенная его отличительная черта. Всѣ религіи вообще пропитаны рабствомъ, но христіанство самая рабская изъ рабскихъ. Возьмемъ выраженіе, пользующееся наибольшимъ правомъ гражданства. Предъ нами крестъ съ надписью: „Милосердія, всемилостивѣйшія Христось! Прости за насъ, св. Марія!“ Здѣсь сказывается безграничное смиреніе христіанства, построенное на полнѣйшемъ состраданіи. Ибо кто всю свою надежду возлагаетъ на состраданіе, тотъ на самомъ дѣлѣ жалкое твореніе. Человѣкъ, исходящій изъ вѣры во всемогущество божіе, ползающій въ прахъ предъ судьбами и силами природы и въ обморочномъ состояніи молящій о состраданіи, такой человекъ—негодный членъ нашего современнаго общества. Если современные христіане уже не тѣ люди, если они смѣло встрѣчаютъ бурю, которая низвергается со страшною силой, если они стремятся исцѣлить немощъ путемъ активности, то тѣмъ самымъ они уже свидѣтельствуютъ о своемъ отпаденіи отъ религіи. Хотя христіане и сохраняютъ свое имя, свои молитвенники и благочестивое состраданіе, но все же

по дѣяніямъ, по поступкамъ своимъ они уже совсѣмъ не христіане. Мы, невѣрующіе демократы, стремимся къ ясному пониманію положенія вещей. Активные и сознательные, мы дѣятельные враги кроткой благочестивой преданности. Въ силу уже издавна присущей людямъ плохой привычки, человѣкъ стремится сохранить на вѣчныя времена то, что при извѣстныхъ условіяхъ было ему полезно. Низость, тупоуміе стремятся сорвать, затушевать противоположность между христіанскимъ презрѣніемъ къ миру и жизнерадостными рѣшеніями нашего времени, такъ какъ онѣ заинтересованы въ этомъ, онѣ стремятся къ посредничеству между ними. Христіанство требуетъ отреченія, а современность—энергичнаго труда для удовлетворенія нашихъ матеріальныхъ потребностей. Упованіе на бога—самая существенная сторона христіанина—прямая противоположность вѣрѣ въ себя, столь необходимой для продуктивнаго труда. Кто думаетъ приписать христіанству слова: „Полагайся на бога, но не зарывай своихъ талантовъ“, и, говори такъ, хочеть указать на то, что трудъ вовсе не противорѣчить христіанству, а, напротивъ, предписывается имъ, тотъ самый отъявленный софистъ. Понятіе христіанства о трудѣ бесконечно отличается отъ современнаго понятія. Христіанинъ трудится для загробной жизни, въ цѣляхъ умерщвленія плоти и подавленія страстей. И хотя онъ добываетъ свой хлѣбъ и стремится къ поддержанію жизни, но это только затѣмъ, чтобы продлить муки земной скорби, земной печали и черезъ это удостоиться истинной, вѣчной жизни. „Кто на землѣ презираетъ свою жизнь, тотъ получитъ ее для вѣчнаго бытія“. Загробная жизнь—цѣль христіанина, а повседневный міръ—цѣль разумнаго человѣка. Гейдельбергскій докторъ теологіи, Даніиль Шенкель, спорить противъ утвержденія, что христіанство, главнымъ образомъ, состоитъ въ презрѣніи къ земнымъ благамъ. „Какъ, восклицаетъ онъ, неужели этотъ міръ—недостойное мѣсто для христіанства, этотъ міръ, о которомъ Іоаннъ сказалъ: „Богъ такъ любитъ міръ, что послалъ въ него своего Сына“. Развѣ древніе христіане стремились оставить земное существованіе? Развѣ они въ большей степени не ждали, что Христосъ спустится къ нимъ на землю, какъ побѣдоносный и мудрый царь, чтобы замѣнить дурной земной порядокъ другимъ—лучшимъ и все-таки земнымъ?“ Такъ разсуждаетъ этотъ софистъ, желающій, главнымъ образомъ, красивыми словами украсить религію христіанства и не

интересующійся вовсе сущностью дѣла. Но, стремясь одурачить другихъ, онъ, въ концѣ концовъ, одурачилъ самого себя. Развѣ онъ не знаетъ, что христіанство, какъ и Пруссія, имѣеть двѣ стороны,—одну черную, другую бѣлую? На прекрасный, пестрый міръ дѣйствительности Христосъ набросилъ черный флеръ. Его красоты—соблазнъ дьявола, его трудъ—проклятіе, его любовь грѣховна, вождедѣніе плоти—бремя, помѣха для духа, тѣло—грязная оболочка.

Словно принцъ, обращенный въ звѣря, бѣлый свѣтъ въ христіанскомъ представленіи превращенъ въ черную дѣйствительность. Съ цѣлью спасенія отъ этого міра, Господь послалъ своего Сына, и онъ-то введетъ насъ въ міръ христіанскаго рая. Міръ этотъ въ такой же степени состоитъ изъ духовной матеріи, въ какой деревашка—изъ желѣза. Его самцы и самки безполы, ихъ тѣла невѣсомы, ихъ работа совершается безъ труда.

„Ангелы готовятъ тамъ блаженство“. Понятно, древніе христіане стремились уйти съ земли. Они ежечасно ожидали пришествія божія, смерти и страшнаго суда. „Царство мое не отъ міра сего“.

И все таки фантастическое христіанское искупленіе, стремившееся исцѣлить земныя муки вѣрой и надеждой, а не активностью, не въ силахъ было надолго подавить естественной необходимости въ матеріальныхъ жизненныхъ благахъ. Еретики и реформаторы, протестанты, католики, ревнители просвѣщенія и свободныя общины—всѣ способствовали побѣдѣ истины, скрытой подъ ложью религіозной фантазіи, сшитой бѣлыми нитками. И, поскольку мы—соціалисты, мы всѣ солидарны съ этимъ „прогрессомъ“. Мы должны разоблачить ту трусость, которая, отпавъ отъ религіи, выдаетъ себя за возстановителя истиннаго христіанства и тѣмъ самымъ присваиваетъ себѣ названіе христіанина. Названіе это необходимо дискредитировать, чтобы разъ навсегда покончить съ нимъ.

Религія капиталистовъ такъ же двусмысленна, какъ и буржуазное народное хозяйство, какъ и буржуазная свобода, равенство и братство. Современные буржуа продолжаютъ монашескую комедію, дѣлая видъ, что презираютъ земныя блага. Забавнѣе всего въ такихъ случаяхъ, что прогрессистъ ступенькается, и на первый планъ выступаетъ монахъ. Всю религіозную ничтожность послѣдняго мы уже неоднократно видали. Обезцвѣченное христіанство новѣйшей формации считаетъ себя, несмотря на это, самымъ истиннымъ.

праведнымъ и высшимъ. Святые древніе христіане, календарные святые, дѣйствительно, презирали земной міръ и его блага, жили въ пустынѣ, одѣвались въ рубище, бичевали тѣло и питались акридами. Они своей жизнью подтверждали свое исповѣданіе. Наши современные рыцари христіанства, наоборотъ, руководствуются другимъ отрывкомъ, гдѣ сказано: „Богъ воплотился и жилъ среди насъ“. Какъ бы то ни было, зародышъ двусмысленности, противорѣчивая непослѣдовательность были въ христіанскомъ ученіи уже съ момента его возникновенія. Апостолы и отцы церкви по временамъ дѣлали уступки: они поучали побѣждать страсть женитьбой, сатану вельзевуломъ. Такъ какъ противоестественно и совершенно невозможно представить себѣ человѣка не отъ міра сего, то, конечно, христіанство не можетъ окончателно вытравить стремленіе къ наслажденію жизнью. Поэтому оно всегда принуждено примѣняться къ условіямъ.

Но прозрѣвшій демократъ видитъ изъ-за деревьевъ лѣсъ. Христіанскій лѣсъ лежитъ въ долинѣ юдоли и скорби, онъ называется: воздержаніе на землѣ и блаженство на небѣ.

Ученіе, господствовавшее много столѣтій среди различныхъ народовъ и въ разныхъ частяхъ свѣта, имѣетъ, конечно, свое историческое значеніе. Неприемлемо лишь то, что смиренно рожденное въ ясляхъ стремилось надменно и вѣчно властвовать. Соціалъ-демократъ охотно признаетъ тѣ стороны, которыя въ христіанствѣ были вѣчно истинными, на примѣръ, умерщвленіе плоти до брака, какъ прекрасное средство противъ вождѣлнй, или же любовь ко всему человѣчеству, а не къ опредѣленнымъ націямъ, племенамъ. Напротивъ того, соціалъ-демократъ будетъ придерживаться этого, даже если бы весь міръ сталъ человѣконенавистнымъ. Соціалъ-демократія не хочетъ обыкновенную истину считать небесной святостью, какъ это дѣлаютъ христіанство и религія.

Вотъ здѣсь-то, въ этомъ различіи между религіозной и земной истиной, мы и дошли до главнаго момента, который существенно отличаетъ социалиста отъ христіанина. Я здѣсь попрошу особаго вниманія.

Истина при всякихъ условіяхъ остается истиной. Но, обложенная въ форму христіанства, истина становится односторонней, нетерпимой и ограниченной. Возьмемъ заповѣдь любви къ ближнему. Она представляетъ вѣчную истину,

т.-е. она заповѣдь человѣческой потребности относится по-людски другъ къ другу. Общественность лежитъ въ природѣ вещей, они вынуждены любить другъ друга, и гдѣ они отрицаютъ это, тамъ они отвергаютъ собственное счастье и благо. Но гдѣ религія беретъ верхъ надъ этой естественной истиной, гдѣ христіанинъ говоритъ: „люби ближняго, какъ самого себя“, тамъ онъ съ такимъ фанатическимъ рвеніемъ вѣдряется въ эту заповѣдь, что почти выходитъ за предѣлы пониманія ея. Когда его ударяютъ въ правую щеку, онъ подставляетъ лѣвую. Когда онъ проповѣдуетъ любовь, онъ исключаетъ противоположное — ненависть, и тѣмъ самымъ христіанская любовь урѣзывается. Напротивъ того, социализмъ не только проповѣдуетъ братство, но и основывается на немъ. Однако, антирелигіозная, сознательная любовь къ ближнему знаетъ, на какомъ мѣстѣ ей оставаться, она мѣтитъ прямо въ цѣль, не пугается своей противоположности—гнѣва, а подчасъ апеллируетъ къ нему, какъ къ необходимому, слѣдовательно, святому средству. И мы хотимъ любить врага и благодѣтельствовать тому, кто насъ ненавидитъ, но только тогда, когда онъ безвреденъ, когда онъ низвергнуть во прахъ. Повторимъ за Гервеемъ:

„Освободить любовь безсильна,

Спасеніе ей не въ мочь.

Суди, о, гнѣвъ, судомъ твоимъ ты страшнымъ,

О, ненависть! оковы ты разбей.

Пока въ прахъ не разсыплется рука,

Меча не должно выпускать.

Любили мы безмѣрно—

Возненавидимъ, наконецъ“.

Мы остановились на вопросѣ о различіи религіозной и свѣтской истины. Чтобы еврей не жилъ въ грязи, Моисей закономъ предписалъ ему чистоплотность. Что обратность необходима—это истина общая, но въ религіозной формѣ она уже крѣпко-на-крѣпко спаяна съ временемъ, мѣстомъ, числомъ, предписывая всегда, гдѣ и какъ часто производить омовенія. Религіозная истина — это предписание сковывающее.

Въ наукѣ ничтожная пылинка — такой же достойный вниманія объектъ, какъ и вся система мірозданія. Какъ нерационально дѣленіе на важное и неважное, такъ и подраздѣленіе на добро и зло съ точки зрѣнія научной жизненной истины малотерпимо. Всѣ объекты и всякія качества—чистота и нечистота, любовь и ненависть, наслаженіе

и аскетизмъ — все это имѣетъ относительную полезность и значеніе, смотря по времени и положенію. Научная свобода, предоставляющая къ услугамъ человѣка всѣ безъ исключенія объекты и качества, дѣлится антирелигіозна. Религіозная же истина заключается въ томъ, что она, неестественно обоготворяя и извлекая мірское, естественное качество изъ быстрога потока жизни, заставляетъ заставляться его въ лучѣ.

А теперь, когда я обыкновенную истину называла „научной“, то я подъ этимъ разумѣла истину свѣтскую, быденную. Остановимся нѣсколько подробнѣе и рассмотримъ серьезную попытку иныхъ поповъ облечь религіозное канжество въ научную форму. Съ грубымъ суевѣріемъ мы раздѣлялись бы очень легко, но эти канжи стремились отыскать недостатки истинной науки, чтобы пополнить ихъ своими данными. Такую западную образуетъ особенно теорія познанія, разногласіе въ пониманіи человѣческаго духа. Какъ мощныя явленія природы рождаютъ въ туземцѣ Лапландіи и Огненной Земли суевѣріе, такъ и чудо внутри насъ, нашъ мыслительный процессъ вліяетъ на профессора.

Наиболѣе просвѣщенные люди, отбросившіе даже самое названіе религіи и христіанина, тѣмъ не менѣе постольку окружены самымъ обильнымъ источникомъ религіозныхъ суевѣрій, поскольку они не ясно различаютъ религіозную и земную истину, поскольку для нихъ органъ истины, способность къ познанію все еще не ясны. Когда, благодаря научнымъ изысканіямъ, все небесное стало материалистическимъ, профессорамъ не зачѣмъ было уже возводить науку въ нагорныя высоты. Какъ будто знанія академиковъ должны быть другого качества, другой природы, нежели знанія крестьянина, маляра или слесаря. Научная агрикультура только тѣмъ отличается отъ быденнаго крестьянскаго веденія хозяйства, что правила ея, знакомство ея съ тѣмъ называемыми естественными законами болѣе общи, болѣе обширны. Поэтому знанія профессоровъ, какъ и знанія лебодого поденщика, однородны по существу и различаются другъ отъ друга, лишь какъ мѣра гороха отъ четверти горошины.

Надо уяснить себѣ всю вздорность разграниченія между благородной наукой и самымъ зауряднымъ здравымъ смысломъ, чтобы понять сущность жалкаго суевѣрія относительно „аристократіи духа“. Противники подсмѣиваются

надъ грубыми уравниателями, которые, дескать, хотѣли бы уничтожить даже духовныя преимущества однихъ людей надъ другими. Но какъ мало отношенія имѣла давнишняя борьба съ аристократическими родами, дворянствомъ, какъ мало отношенія имѣла эта борьба къ „славнымъ предкамъ“, на которыхъ ссылались, — столь же мало и наше отрицаніе „рыцарей духа“ имѣетъ отношенія къ самому „духу“, который такъ лицемѣрно превозносится.

Самымъ предосудительнымъ во всемъ этомъ — это матеріальныя выгоды, при посредствѣ которыхъ рыцари разбоя присвоили себѣ львиную долю продуктовъ нашего труда. Когда уже оказалось несвоевременнымъ грубой силой принуждать трудящіеся классы къ создаванію богатствъ, то прислужники господствующихъ классовъ окружили трудъ духовнымъ ореоломъ. Наиболѣе доходныя профессорскія каѳедры, равно предпринимательскій доходъ фабрикантовъ, защищаются замаскированнымъ обманомъ, исходящимъ изъ того, что духовная работа выше физической и во много разъ продуктивнѣе ея. Но такъ какъ мы, социаль-демократы, негодуемъ на подобныя претензіи, насъ называютъ „противниками искусства и науки“. Мы презираемъ до глубины души эти трескучія фразы объ „образованіи и наукѣ“, эти разговоры объ „идеальныхъ благахъ“ въ устахъ дипломированныхъ лакеевъ, которые своимъ взвинченнымъ идеализмомъ теперь дурачатъ народъ такъ, какъ нѣкогда жрецы своимъ знакомствомъ съ зачатками естествознанія. Современная дуалистическая вѣра въ міръ научнаго и этического духа, которая обычно противопоставляется другому міру и должна властвовать надъ этимъ послѣднимъ, не что иное, какъ подогрѣтая, взятая на прокатъ вѣра въ земную и загробную жизнь. Профессора, которымъ нужна религія, подмѣнили царство божіе царствомъ научнаго духа. Какъ антиподомъ бога служить дьяволъ, такъ антиподомъ пона служить матеріалистъ.

Материалистическое міровоззрѣніе такъ же старо, какъ и религиозный скептицизмъ. Перерабатывая въ теченіе XIX столѣтія сырой матеріалъ, оба эти направленія уже нынѣ чреваты научными выводами. Но академическая ученость не хочетъ объ этомъ ничего знать, такъ какъ демократическіе выводы матеріализма подвергаютъ опасности ея социальное положеніе. Фейербахъ говоритъ: „Характеристическій признакъ профессора философіи тотъ, что онъ не философъ. Характеристическій же признакъ философа

тотъ, что онъ не профессоръ философіи“. Въ настоящее время мы идемъ еще дальше и говоримъ: не только философія, но наука вообще опередила своихъ официальныхъ представителей. Если гдѣ съ кафедры и излагается матеріализмъ, то все же къ этому изложенію, какъ къ неоперившейся птицѣ яйцо, пристаеъ ненаучная, религіозная безсистемность въ формѣ идеалистическаго пережитка. И дальше: какъ одна ласточка не дѣлаеъ весны, такъ и истинная ученость одного профессора не смываеъ пятна, лежащаго на этой профессіи. Въ прежнее время, когда на буржуазіи и ея представителяхъ лежала культурная миссія, ученые академикъ, поставленные ею, пожалуй, представляли изъ себя кладези премудрости. Но исторія движетея, и культурная борьба лежитъ теперь на плечахъ 4-го сословія, этого самаго низшаго народнаго класса. Тѣмъ не менѣе, классъ господствовавшій въ прошломъ, стремится удержатъ за собой прежнее свое значеніе; достойные носители поддерживають его, и вполне естественно, что „свободная наука“ нашихъ академій превращаеъ въ *оплаченную адвокатуру*.

Соціалистическое стремленіе къ справедливому распределенію экономическихъ благъ требуетъ для своего осуществленія демократіи, политическаго господства народа и не выносить главенства кучки людей, которая, претендуя на умственную привилегію, захватила себѣ львиную долю.

Чтобы указать надлежащее мѣсто этому безграничному своекорыстію, необходимо ясно представить себѣ отношеніе духа и матеріи. Вотъ почему философія должна быть близка рабочему классу. Это еще не значить, что каждый рабочій долженъ стать философомъ, долженъ изучить это отношеніе между идеей и матеріей. Вѣдь изъ того, что каждый изъ насъ ѣсть хлѣбъ, еще не слѣдуетъ, что всѣ должны умѣть молоть муку и печь хлѣбъ. Но, какъ рабочему классу необходимы мельники и пекари, такъ ему нужны серьезные изслѣдователи, которые вскрыли бы тайные происки жрецовъ Ваала и вывели бы ихъ на чистую воду. Высокое значеніе умственной работы пока еще не достаточно оцѣнивается людьми физическаго труда. Инстинктъ подсказываетъ имъ, что люди, задающіе тонъ въ нашемъ буржуазномъ обществѣ,—его естественные враги. Они видятъ, что подъ прикрытіемъ умственнаго труда производится плутовство. Надо еще прибавить вполне понятную склонность съ ихъ стороны умственный трудъ не дооцѣнивать, а физическій переоцѣнивать. Такому грубому матеріализму необхо-

димо противодѣйствовать. Физическая сила, физическое превосходство издавна были преимуществомъ трудящихся классовъ народа. Благодаря недостатку умственного развитія, они до сихъ поръ позволяли себя обманывать. Для освобожденія рабочаго класса необходимо, чтобы онъ освоился съ послѣдними выводами науки. Негодованія на несправедливости, которыя мы терпимъ, еще недостаточно для освобожденія, несмотря на численное наше превосходство и преимущество физической силы. На помощь должно явиться еще и духовное оружіе и, среди различныхъ отраслей этого арсенала на первомъ планѣ теорія познанія. Пониманіе псевдательнаго метода представляетъ сильное оружіе противъ религіи, оружіе, которымъ побивается эта послѣдняя въ самыхъ отдаленныхъ и тайныхъ своихъ норахъ.

Вѣра въ боговъ и полубоговъ, въ Моисея и пророковъ, вѣра въ папу, Библию, царя, его Бисмарка и правительство, однимъ словомъ, преклоненіе передъ авторитетомъ,—не находятъ себѣ достаточнаго основанія въ наукѣ о духѣ.

Когда еще не понимали, какимъ образомъ, откуда является мудрость, въ чемъ она состоитъ, то легко впадали въ несприятность, принимая *x* за *y*. Ясное пониманіе процесса образованія мыслей теоретически приводитъ насъ къ исходной точкѣ зрѣнія, независимой отъ боговъ, книгъ и людей. Съ уничтоженіемъ дуализма духа и матеріи падаетъ и послѣдняя теоретическая опора господствовавшаго до сихъ поръ подраздѣленія на приказывающихъ и повинующихся, на угнетателей и угнетенныхъ.

Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на ученіи о духѣ. Я укажу только наиболѣе очевидныя, неопровержимыя основныя положенія, съ тѣмъ, чтобы выступить противъ претензій правящихъ классовъ, которые умственнымъ трудомъ стремятся украсить эксплуатацію народа. Наши правящіе классы одержимы сатанинскимъ корыстолюбіемъ. Соціалистическія атаки ихъ укрѣпленныхъ позицій задѣваютъ ихъ за живое. Потому-то у нихъ и недостаетъ столь необходимаго безпристрастія; потому-то они и не могутъ отказаться отъ предразсудковъ и понимать серьезные вопросы. Наука, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, никогда не могла отыскать аудиторіи среди лицъ привилегированныхъ и заинтересованныхъ въ томъ, чтобы затормозить теченіе исторіи. Наука съ полнымъ правомъ обращается къ люду виѣрпартійному, обойденному, подневольному и ограбленному.

Но въ дѣлу. Духъ—это не призракъ и не дыханіе божье. Идеалисты и матеріалисты согласны въ томъ, что духъ принадлежитъ къ категоріи „мировыхъ объектов“, живетъ въ мозгу людскомъ и является не чѣмъ инымъ, какъ абстрактнымъ выраженіемъ, собирательнымъ обозначеніемъ послѣдовательнаго хода мыслей. Если, въ такомъ случаѣ, слово духъ есть только синонимъ нашей способности мыслить, то кто будетъ оспаривать хотя парадоксальное, но эмпирическое положеніе, что духовная работа есть физическое усиліе.

Я постараюсь сразу ввести уважаемыхъ слушателей въ наиболѣе трудную главу о контрастахъ. Равно какъ линія и точка только математическія понятія, такъ и контрасты—не реальность, а логическія категоріи, т.-е. онѣ имѣютъ только значеніе относительное. Относительно малое—велико, великое—мало. Равнымъ образомъ, тѣло и духъ, хотя логическія, но вовсе не реальныя противоположности. Наше тѣло настолько связано съ духомъ, что физическая работа совершенно невозможна безъ помощи ума. Элементарнѣйшій трудъ поденщика требуетъ участія разсудка. Съ другой же стороны, вѣра въ метафизику, или безтѣлесность, духовной работы—совершеннѣйшая бессмыслица. Даже чисто научное мышленіе требуетъ безусловнаго напряженія физическихъ силъ. Всякій человѣческій трудъ одновременный результатъ умственной и физической работы. Кто хоть немного знакомъ съ психологіей, тотъ знаетъ, что мысли являются не только изъ мозга, т.-е. субъективно изъ матеріи, но постоянно черпаютъ въ окружающемъ матеріалъ или содержаніе. Вещество мозга—это субъектъ мысли, ея же объектомъ является безконечный матеріалъ внѣшняго міра.

Какъ умственный, такъ и физическій трудъ стремятся производить, приносить плодъ. Поэтому умственная работа должна непременно воплотиться, а физическій трудъ одухотвориться. Въ самомъ продуктѣ труда нельзя отыскать соотношенія умственной и физической силы: обѣ онѣ создавали продуктъ въ полной солидарности, одна при участіи другой. Пусть какой-либо трудъ и характеризуется, какъ исключительно умственный или исключительно физическій, все же продуктъ труда созданъ, я повторяю, и духомъ, и тѣломъ. Часть, созданная мыслью, не можетъ быть отдѣлена отъ части матеріи. Кто можетъ указать на огородѣ доли, созданныя лопатой, рукой огородника, почвой, дождемъ и

удобрениемъ. Дѣленіе продукта по количеству вложеннаго труда чрезвычайно шатко. Это дѣленіе—уродливая буржуазная идея, истинность которой невозможно доказать, и поэтому на практикѣ вызывающая только противорѣчія. Эта идея—слѣдствіе той основной лжи, которая хотѣла бы сдѣлать отдѣльнаго человѣка независимымъ производителемъ, могущимъ внѣ общества, конкурируя съ сосѣдями, реализовать фантастическій идеаль личной независимости. Товарищамъ извѣстно, что всякая работа, даже въ буржуазномъ обществѣ, дѣло коллектива. Интеллигентные газетные труженики работаютъ на фабрикантовъ, а фабриканты изготовляютъ носовые платки для нихъ, для полицейскихъ чиновниковъ, для чистильщиковъ сапогъ и т. д. Одинъ для всѣхъ.

Продуктъ индивидуальнаго труда ни для кого не является цѣлью. Всякій стремится въ коллективному продукту, выставленному на продажу на разнообразнѣйшемъ товарномъ рынкѣ и кристаллизующемуся въ деньгахъ. Если бы деньги были подраздѣлены пропорціонально вложенному труду, то оказалось бы, что рантѣ производятъ самую значительную часть общественной работы.

Трудъ одного лица, семейства, фабрики, общества—представляетъ организмъ, гдѣ каждая часть споспѣшествуетъ коллективному продукту. Органическій владѣ не поддается механическому исчисленію. Соціализмъ понимаетъ, что рабочіе—члены трудового процесса. Онъ не признаетъ нелѣпой идеи подраздѣленія общественнаго продукта общественнымъ путемъ, идеи награжденія каждаго по заслугамъ. Наше нелѣпое понятіе о справедливости, съ ея еще болѣе нелѣпымъ *sum cuique*, заботится больше о верхахъ и не обращаетъ вниманія на низы. Какъ машинистъ заботливѣе поднимаетъ маленькую иголку, нежели большое колесо, такъ мы желаемъ, чтобы продуктъ нашего труда былъ раздѣленъ согласно потребностямъ, чтобы сильный и слабый, проворный и неповоротливый, чтобы силы интеллектуальная и физическая, поскольку онѣ свойственны человѣку, совмѣстно работали и совмѣстно наслаждались результатами.

Религія препятствуетъ этимъ стремленіямъ—и не только опредѣленная, формальная религія поповъ, но и самая чистая, самая возвышенная профессорская религія туманныхъ идеалістовъ. Уже почти съ самаго начала моей рѣчи меня много разъ упрекали въ томъ, что я вмѣстѣ съ водой выливаю

изъ ванны и ребенка. Мой другъ, Шеферъ изъ Франкфурта, упрекаетъ меня за то, что я ставлю въ вину великому основателю христіанства невѣрное толкованіе его послѣдователей.

Онъ думаетъ, что самъ учитель вовсе не желалъ того, что ученики сдѣлали изъ его ученія. Необходимо различать идеальное, истинное и дѣйствительное христіанство отъ извращеннаго. Будто мой упрекъ безграничному долготерпѣнію христіанства не заслуженъ. Вѣдь и самъ Господь изгналъ плетью изъ храма торгашей.

На это нужно возразить, что христіанство стремиться именемъ Бога господствовать на землѣ. Тщетное желаніе! Природа вещей всегда будетъ господствовать надъ христіанствомъ, и посею человѣку всегда приходится примѣняться въ обстоятельствамъ.

Поэтому апостолу, который мечтаетъ о безбрачїи, пришлось разрѣшить бракъ, поэтому въ ученіе объ абсолютномъ терпѣніи врывается гнѣвъ божій.

Но, впрочемъ, все это не выводы христіанства, а наоборотъ — непоследовательность его. Оно накладываетъ свою печать на человѣческую натуру, рождая безграничную покорность, овечью кротость, безропотно готовую идти на закланіе. Что такая покорность не должна быть безгранична, что и революціонный протестъ относится къ божественной мисси — объ этомъ свидѣтельствуетъ примѣръ отдаленнаго прошлаго, явственно однако не упоминаемый въ катехизисѣ. Хотѣлъ ли такъ Христосъ и думалъ ли онъ на самомъ дѣлѣ такъ? Какое мнѣ до этого дѣло! Съ какой стороны, насколько это можетъ насъ интересовать? Земная, реальная истина находитъ свое обоснованіе не въ одномъ только человѣкѣ: весь внѣшній міръ, его матеріалъ поддерживаетъ истину. Ея правота заключается не въ томъ, что она Великимъ Учителемъ издавна призвана къ жизни. Учитель скорѣй потому ее воспринялъ, что она справедлива. Но это утвержденіе граничитъ съ религіозной путаницей, которой причастенъ другъ Шеферъ. И поэтому я утверждаю, что отрѣшиться отъ болѣзненнаго преклоненія передъ авторитетомъ, отъ обожествленія великаго духа люди не могутъ.

Великимъ людямъ, несущимъ свѣтъ науки, воздадимъ должное, но изслѣдованія ихъ мы будемъ цѣнить постолько, поскольку въ основѣ ихъ лежитъ дѣйствительность.

Продолжить свое изложение побуждает меня не одно только желание поучать и говорить съ этой почтенной каедры, но и сочувствіе уважаемыхъ слушателей. Правда, меня многіе упрекають за слишкомъ большую „ученость“ моихъ лекцій, за отсутствіе въ нихъ популярности. Но я напоминаю, что легко понятнымъ кажется только много разъ сказанное и слышанное. Популярное обыкновенно бываетъ шаблонно. Соціаль-демократія исповѣдуетъ новое ученіе, покоющееся на принципахъ, еще не вѣзмъ извѣстныхъ. Эти принципы производятъ коренной переворотъ въ методахъ мышленія, господствовавшихъ до сихъ поръ. Для пониманія этихъ началъ требуется, конечно, нѣкоторое напряженіе.

Религія, дорогіе слушатели, это *примитивная* житейская мудрость. Соціаль-демократія, напротивъ, является все еще растущимъ, назрѣвающимъ продуктомъ чрезвычайно древней культурной эволюціи. Мы правы, мы остаемся вѣрны самимъ себѣ, когда на мѣсто религіознаго или примитивнаго міросозерцанія ставимъ исторически выросшее, и, такимъ, образомъ, мы не отклоняемся въ сторону, когда относимся внимательно къ земнымъ дѣламъ.

Я назвалъ религію житейской мудростью, потому что она не только сулитъ при посредствѣ могущественныхъ боговъ, молитвъ и плача освободить отъ житейскихъ скорбей и злоключеній природы, но потому, что она придаетъ нашему мышленію *систематическую* точность. Всеобщее значеніе религіи для некультурныхъ народовъ основывается на общей вѣзмъ потребности въ систематическомъ міровоззрѣніи. Намъ присуща практическая потребность — господство надъ объектами земли, равно и творческая потребность — сводка ихъ воедино. Мы стремимся познать начало и конецъ окружающаго насъ.

Въ этомъ неразумномъ воплѣ о всеобщности, вѣчности и неизбѣжности религіи есть нѣчто законное. Простое отрицаніе религіи было бы просто русскимъ нигилизмомъ, съ полнымъ правомъ выключеннымъ изъ интернациональнаго обхода. Мы не признаемъ безмысленнаго отрицанія. Намъ смѣшны „культуркемпферы“, такъ какъ мы сами намѣрены бороться за успѣхи культуры. Мы признаемъ въ человѣкѣ врожденнаго систематика съ должнымъ направленіемъ мыслей для всякаго случая и любого времени. Онъ систематизи-

руетъ тѣло и духъ, преходящее и незыблемое, время и вѣчность, свѣтъ и истину, этику, государство и общество, стремясь расположить по порядку все это со всѣми своими логическими послѣдствіями. Человѣкъ стремится къ сознательности въ мыслительномъ процессѣ, чтобы и въ жизнь принести сознательность. И мы, демократы и защитники парижской коммуны, имѣемъ такую же потребность. Рабскіе посредники и глушцы, быть можетъ, потому и надѣлаютъ насъ религіей. Мы не признаемъ этого слова не потому, что отрицаемъ всякую родственность или общность религіознаго и социаль-демократическаго житейскаго міровоззрѣнія, а для того, чтобы подчеркнуть разницу, чтобы разорвать не только по вѣщности, но и по внутреннему содержанію, не только по имени, но и на дѣлѣ съ объектомъ, оплодненными попали

Кто хочетъ распротиться съ фантастической религіозной системой міропониманія, тотъ долженъ на ея мѣсто поставить новую систему и, на этотъ разъ, уже рациональную. И это, дорогие слушатели, можетъ сдѣлать только социаль-демократія. А если эти слова, на взглядъ иныхъ докторовъ философіи, слишкомъ дерзки, то я, въ виду большого значенія всего этого, скажу больше: социаль-демократія—необходимое слѣдствіе антирелигіознаго, трезваго образа мыслей, слѣдствіе философскаго познанія. Философы боролись съ клерикалами, чтобы поставить на мѣсто некультурной мыслительной системы культурную, на мѣсто вѣры—науку. Цѣль достигнута, побѣда одержана. Каннибальская религія первобытнаго человѣчества смѣнилась христіанствомъ, философія развивала культуру, и на смѣну многимъ преходящимъ, слабымъ системамъ, наконецъ, пришла вѣчная система науки, система демократическаго матеріализма.

Официальный тѣлохранитель прусской государственности, Трейчке, сводитъ упованія социаль-демократовъ къ хитрости, которою они, будто, импонируютъ народу. Онъ, какъ говорится, ищетъ насъ подъ кустомъ, потому что самъ привыкъ сидѣть подъ нимъ. Профессиональные хамелеоны, торгующіе перомъ, продавшіе свой стыдъ и совѣсть, совершенно не могутъ постигнуть убѣдительной силы истины, не въ состояніи понять вѣрности систематическаго метода мышленія. Соціалистическое міровоззрѣніе, о которомъ я здѣсь говорю товарищамъ, система точная и правильная. Систематическая обработка его—дѣло каеэдри. Какъ рома-

нисть рѣдко начинаеть свое повѣствованіе съ самаго начала и часто не доводитъ его до конца, такъ и я говорю то объ одномъ, то о другомъ, для того, чтобы больше заинтересовать васъ, и я буду очень радъ, если передъ вами прояснится систематическая зависимость связанного настолько, чтобы вы оказались въ состояніи построить сами всю систему пѣликомъ. Мы называемъ себя материалистами. Какъ религія представляетъ родовое понятіе, обнимающее разнообразныя вѣроисповѣданія, такъ и материализмъ представляетъ растяжимое понятіе. Съ точки зрѣнія небесной религіи, все земное — будь это чистѣйшій эфиръ — грязная матерія и нечистота. Религія близорука и, съ ея точки зрѣнія, всякая философія, будь это даже платоновскій идеализмъ, всякое научное изслѣдованіе, всякая позитивная наука — только матеріальныя стремленія. На самомъ же дѣлѣ, материалисты, хотя бы и замаскированныя, всѣ философы, — всѣ ищутъ *реально* познанія матеріальной истины. Материалисты, въ грубомъ значеніи, только ѣдятъ, пьютъ и не хотятъ ничего знать, кромѣ своего брюха. Въ наукѣ для нихъ нѣтъ никакого имени; они не образуютъ никакой особой школы и обыкновенно не придерживаются никакой теоріи. Философы-материалисты отличаются тѣмъ, что они тѣлесный міръ ставятъ на первый планъ, въ первую голову, а идею, духъ разсматриваютъ какъ слѣдствіе. Противники же ихъ, примѣняющіе религіозную точку зрѣнія, производятъ объектъ отъ слова (Богъ сказалъ, и сотворилось) и матеріальный міръ отъ идеи. Во всякомъ случаѣ, и у материалистовъ чрезвычайно долго не было вѣрнаго обоснованія ихъ теоріи. Теперь мы, социаль-демократы, носимъ имя, которымъ наши противники могутъ насъ сколько угодно поносить. Мы въ равной мѣрѣ могли бы называться и идеалистами, такъ какъ наша система основывается на общемъ синтезѣ философіи, на научномъ изслѣдованіи идеи, на ясномъ уразумѣніи природы духа. Насколько мало наши противники способны понять насъ, свидѣтельствуютъ тѣ полныя противорѣчій эпитеты, которыми они насъ надѣляютъ. По словамъ однихъ, мы грубые материалисты, мы гонимся только за благосостояніемъ; когда же рѣчь заходитъ о коммунистической будущности, мы становимся уже неисправимыми идеалистами.

На самомъ же дѣлѣ мы, въ равной степени, представляемъ и то, и другое. Реальная дѣйствительность — вотъ

нашъ идеалъ; идеалъ социаль-демократіи матеріалистиченъ.

Въ статьѣ „Азбука знаній для мыслящихъ“, въ журналѣ „Volksstaat“, *индуктивный методъ* былъ названъ *неизбѣжной основой всякой науки, строящей свои выводы только на фактахъ*. Примѣненіе этого метода ко всѣмъ проблемамъ міра, иначе, систематическое примѣненіе индукціи, приводитъ социаль-демократическое мировоззрѣніе къ опредѣленной системѣ. Законъ гласить: нельзя разсуждать внѣ матеріи; выводы, положенія, законы должны быть основаны на „дѣйствительности, на чувственной истинѣ; мыслить можно, исходя изъ опредѣленнаго положенія“. Мы, дѣйствительно, разсуждаемъ, но никогда о первопринципѣ. Мы прекрасно знаемъ, что всякая мысль необходимо исходитъ изъ *даннаго* начала, такъ что вопросъ о началѣ всѣхъ началъ совершенно бесплоденъ и противорѣчитъ всеобщему закону мышленія. Кто говоритъ о началѣ міра, тотъ связываетъ происхожденіе его съ временемъ, но въ такомъ случаѣ является вопросъ, что же было до начала міра? Отвѣтить же фразой: „не было ничего“—значитъ произнести взаимно противорѣчащія слова. Это значитъ утверждать, что когда-либо существовало что-либо, чего никогда не было. Но говорить такъ можетъ только недалекій человѣкъ, и это все равно, что отыскивать евадратуру круга. „Ничто“ можетъ только означать не то или не другое. Во главѣ нашей системы стоитъ положеніе, гласящее, что начало и конецъ (если мнѣ позволено будетъ такъ выразиться) лишь субъективныя категоріи человѣческаго мышленія.

По нашему ученію, продолженіе такъ же логично, какъ и начало. Вся метафизика по Канту, сводящаяся къ вопросу о Богѣ, свободѣ и безсмертіи, потерпѣла въ нашей системѣ крушеніе, благодаря тому, что пониманіе и разумъ составляютъ исключительно индуктивное достояніе. А это значитъ что міръ становится совершенно понятнымъ тогда, когда мы изслѣдуемые объекты раздѣлимъ и подведемъ подъ классы, роды и понятія. Все это уже трузизмъ, который врядъ ли стоилъ бы лишнихъ словъ, если бы съ дедукціей еще до сихъ поръ не связывались чудеса и суевѣрія.

Наша познавательная способность обладаетъ еще другимъ методомъ для открытія истины. Общая истина, осязательная, такъ сказать, индуктивна. Но въ математикѣ, на примѣръ, видятъ дедукцію, которая охватываетъ весь

міръ. Когда мы говоримъ, что $2 \times 2 = 4$, то для насъ ясно, что это положеніе истинно повсемѣстно. И уже тѣмъ самымъ мы знаемъ о такихъ пространствахъ и временахъ, которыхъ никогда человѣческой глазъ не видѣлъ и человѣческое ухо не слышало. Развѣ можно считать отертыемъ тотъ фактъ, что у верблюда два горба, а вотъ что $2 \times 2 = 4$, что часть меньше цѣлаго,—это уже, извольте видѣть, трансцендентная истина, это—дедукція духа. Иные вѣруютъ въ какой-то внутренней голосъ, раскрывающій намъ истинность математики и этики, бытіе бога, бессмертіе души, свободу и другія трансцендентныя категоріи. Что всѣ эти дедуктивные призракы нами познаны путемъ материалистической истины, мы обязаны идеалистическимъ изслѣдованіямъ Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта, Фихте и Гегеля. Одинъ знаменитый философъ за другимъ споспѣшествовали своими трудами развитію этого вопроса; мы, социаль-демократы, опирающіеся на нихъ, вполне поняли механическую природу *всѣхъ* познаній—религіозныхъ, спекулятивныхъ и математическихъ. Что такой научный результатъ можетъ имѣть партійную окраску, кажется противорѣчивымъ, между тѣмъ это понятно, потому что социаль-демократія—партія, не исповѣдующая узкой партійной точки зрѣнія, она, напротивъ, стоитъ за всеобщій интересъ; партія обездоленныхъ, партія не заинтересованныхъ, партія не-партійной истины. Мы, социаль-демократы, призваны выработать мировоззрѣніе, такъ какъ мы не одержимы никакой эгоистической страстью.

Трансцендентная достовѣрность, дедукція въ положеніи: $2 \times 2 = 4$, какъ и всякая другая дедукція,—глупая шутка, 4 и 2×2 только разные выраженія одного и того же понятія. Всякое понятіе имѣетъ одно опредѣленное содержаніе. Малая часть составляютъ содержаніе цѣлаго, черенокъ и лезвіе образуютъ содержаніе ножа; межъ двухъ горъ находится долина; въ числѣ 4 содержится 2×2 . Итакъ, только потому, что въ одно понятіе совершенно механически включено содержаніе, мы достовѣрно знаемъ и трансцендентно убѣждены, что $2 \times 2 = 4$, что часть меньше цѣлаго, что нѣтъ ножа безъ черенка и лезвія, что немислимы двѣ горы безъ долины. И только на томъ основаніи, что влажному придается наименование воды, мы не нуждаемся вовсе въ особой трансцендентной способности категорически утверждать, что вода должна быть влажной. Не нужно обладать особой проникательностью для того, чтобы утверждать, что дедукція, какъ

и всякое другое синтетическое знание, покоится на единственном основаніи, присущемъ всѣмъ объектамъ—на опытной дѣйствительности. Тѣмъ, что мы изслѣдовали и поняли разные явленія, онѣ не сдѣлались ни на волосъ менѣе чудесными, чѣмъ раньше. Возьмемъ, для примѣра, превращеніе въ теченіе одной ночи невиннаго винограднаго сока въ ошьяющую напитокъ. Какъ должны мы понять этотъ процессъ? Химикъ говорить, что это произошло подъ вліяніемъ броженія. Подъ дѣйствіемъ тепла и воздуха, въ присутствіи бродиль, виноградный сахаръ превращается въ алкоголь. Такимъ образомъ, непонятное становится понятнымъ, и образованіе вина регистрируется въ общій классъ броженія, какъ особый видъ. Факты становятся понятными при систематическомъ расположеніи или классификаціи ихъ, а не при помощи одного только логическаго мышленія. Философская мистика, это—непереваренный пережитокъ религіи. Чтобы разъ навсегда раздѣлаться съ тѣмъ и другимъ, необходимо признать, что не факты бояются на логическомъ основаніи, а, наоборотъ, въ основаніи логики постоянно лежать реальность, бытіе или факты. Я долженъ извиниться передъ товарищами за то, что затрудняю ихъ этими подробностями. Я знаю—только немногіе могутъ углубиться въ этотъ вопросъ, но достаточно и немногихъ. Было бы нецѣлесообразно каждому и всякому заниматься вычисленіемъ движенія планетъ, но, между тѣмъ, необходимо, чтобы тотъ или другой изъ насъ ясно представлялъ себѣ эту высокую тему, на которой профессора такъ изощряются. Мы должны открыть нашъ фундаментъ, гранитную скалу, чтобы не посвященный тѣмъ яснѣе убѣдился, на какомъ пескѣ адвокаты „современнаго порядка“ строятъ свои противорѣчивые выводы. Ихъ разсужденія безсистемны, нелогичны и отличаются отсутствіемъ выводовъ. Утверждая, что все имѣетъ свою причину, начало и конецъ, они, тѣмъ не менѣе, все это ставятъ въ связь съ вѣрой въ божество, которое не имѣетъ начала, и съ жизнью, которая никогда не кончится. Одинъ изъ существенныхъ пунктовъ ихъ основныхъ законовъ провозглашаетъ свободу слова и собраній; но стоитъ лишь собраться народу, чтобы поговорить о своихъ чувствахъ и мысляхъ, какъ жандармъ уже тутъ какъ тутъ. Это ли система, это ли логика, это ли послѣдовательность? Нѣтъ, это система подлости! И все въ ней сводится къ слѣдующему: мы—представители капитала и навѣки желаемъ ими оставаться.

VI.

Послѣдняя наша лекція была посвящена слѣдующему тезису: „Человѣкъ долженъ имѣть религію“. Мы переводимъ это положеніе на разумный нѣмецкій языкъ, и тогда оно гласитъ: „человѣкъ долженъ имѣть систему“. Вѣдь его интеллектуальная потребность заключается въ томъ, чтобы пріобрѣсти исходную точку зрѣнія, съ которой онъ могъ бы взирать на весь міръ. Чтобы не затеряться въ хаотическомъ разнообразіи міра, человѣкъ, систематизируя и звѣзды на небѣ, и міръ, подраздѣляетъ все на области, разряды, классы, роды, семейства, индивиды. Однимъ словомъ, разнообразію онъ придаетъ разнообразныя названія. Обладать способностью ориентироваться во всемъ, умѣть все подводить подъ опредѣленную рубрику—это мы называемъ: имѣть „систему“. Легко понять, что животное относится къ зоологіи, а растеніе къ ботаникѣ, но сомнительнымъ и спорнымъ представляется, подъ какую рубрику нужно подвести истину, свободу, справедливость и много другихъ понятій. Совершенно только та система, въ которой находятъ свое мѣсто все, что происходитъ, когда въ ней все предусматривается и все въ нее укладывается. Основатели религій и философы такую именно систему и пытались создать, но это имъ не удавалось. Время всегда приносило и приноситъ новыя явленія, новыя открытія, которыя не были предусмотрѣны. Все это не могло укладываться въ созданной системѣ, и каждый разъ создавались новыя, пока, наконецъ, социаль-демократы стали достаточно умны и выработали систему, охватывающую не только современность, но и будущее.

Чтобы объяснить эти на первый взглядъ преувеличенныя претензіи, я долженъ въ нѣсколькихъ словахъ повторить сказанное уже. Какъ теологи искали всеблагого Бога, сосредоточивающаго въ своемъ лицѣ все могущество міра, такъ и философы стремились создать систему, чтобы синтезировать разнообразнѣйшія знанія и чтобы овладѣть всѣми науками. Теперь мы точно знаемъ, что одинъ и тотъ же нѣтъ одновременно не можетъ быть зеленымъ, синимъ, голубымъ и чернымъ, точно такъ же мы знаемъ, что родъ не можетъ воплотиться въ одномъ индивидѣ. Въ одномъ человѣкѣ, а тѣмъ паче въ одномъ единичномъ понятіи, не можетъ быть сконцентрирована вся совокупность знанія. И, тѣмъ не менѣе, я утверждаю, что у насъ имѣется такая

концентрація. Развѣ въ понятіе о матеріи не включены всѣ объекты міра?

Равнымъ образомъ, всякое знаніе имѣеть одну общую форму: а именно—*индуктивный методъ*. Сознаніе того, что индукція единственная, всеобщая форма знанія, что она примѣнима ко всѣмъ вопросамъ, ко всѣмъ объектамъ, даетъ социаль-демократіи ту систематическую увѣренность, то духовное преимущество, которое изумляетъ нашихъ противниковъ. Мы еще не знаемъ, но уже постигли общую форму науки и тѣмъ самымъ обладаемъ пробнымъ камнемъ, который дастъ намъ возможность разбить всѣ тѣ оковы, которыми пустомели, восхваляющіе сильныхъ міра сего, опутываютъ народъ. Въ естественной исторіи индукція—методъ старый; но что систематическое міровоззрѣніе сводится къ тому, чтобы раскрыть всякія нелѣпости, и религіозныя, и философскія, и политическія,—это уже социаль-демократическое открытіе.

Наши притѣснители, люди власти и капитала, культуркемиферы, прогрессисты, либералы и франкмассоны тоже защищаютъ индукцію, но только въ предѣлахъ своей лавочки. Они подраздѣляютъ все: людей—на господъ и рабовъ; жизнь—на земную и потустороннюю; индивида—на тѣло и душу, науку—на индуктивную и дедуктивную.

Дѣленіе умѣстно, когда имѣется система, когда подраздѣленное можно подвести подъ одно понятіе, когда разнообразіе разсматривается только, какъ градація. Подраздѣленіе жизни на земную и загробную, пожалуй, понятно. Нужно только разъ навсегда постигнуть, что земная и небесная жизнь—двѣ правомѣрныя части *той же самой* жизни. Вѣдь мы съ такимъ же пониманіемъ говоримъ о жизни океана, о жизни на поверхности и въ глубинѣ его. И социаль-демократы признаютъ тѣло и душу. Но наше тѣло есть совокупность матеріальныхъ особенностей, наша душа—совокупность душевныхъ или духовныхъ. Замѣтимъ, однако, что эмпирическое явленіе—единственное основаніе, общая рубрика для тѣла и души.

Душа, или духъ,—атрибутъ міра. Но міръ не есть произведеніе духа, какъ попы утверждаютъ. По теоріи Дарвина, человекъ произошелъ отъ живогнаго. Онъ и различаетъ животное и человека, но только какъ два продукта одной и той же матеріи, какъ два вида одного и того же рода, какъ два вывода одной и той же системы. Такого рода систематическое подраздѣленіе, въ логическомъ его раз-

Релягія социаль-демократіи.

вити, неизвѣстно нашимъ противникамъ такъ же, какъ имъ незнакомо и закономѣрное единство. Я предпочелъ бы уже въ такомъ случаѣ старое религіозное благочестіе. Тамъ, по крайней мѣрѣ, была система. Земная и загробная жизнь, господство и рабство, вѣра и наука—все было подъ единоличнымъ господствомъ того, кто сказалъ: „Я—господинъ, Богъ твой“.

Я знаю, что и придерживающіеся дуализма въ религіи обречены на относительную безсистемность. Я знаю, что они висятъ между небомъ и землей. Повуда въ религію не вкралось сомнѣніе, до тѣхъ поръ она была менѣе дуалистичной. Дьяволъ былъ только орудіемъ, земное было только переходящимъ испытаніемъ въ цѣляхъ вѣчной жизни. Одно было подчинено другому, былъ центръ тяжести, была система. По сравненію съ современной половинчатостью и массонствомъ все, однако, отличалось цѣлостнымъ характеромъ.

Выработка цѣлостнаго міросозерцанія, дорогие слушатели, задача нелегкая, на ней испытывается человѣческой духъ. Уже почти полстолѣтія, какъ загадка разгадана и міровоззрѣніе стало систематическимъ. Но тотъ фактъ, что надъ объектами, уже давно изслѣдованными, ученые профессора и естествоиспытатели оперируютъ какъ въ темнотѣ, имѣетъ свое политическое основаніе. Реакціонная злоба почувяла революціонныя слѣдствія индуктивной системы. Собственно-ручно зажженный свѣтильникъ Гегель спряталъ подъ спудъ. Смѣлые изслѣдователи не могли появиться въ то время, когда заинтересованная консервативная заскорузлость была у власти. И еще до сихъ поръ вся эта привилегированная клика старается держать подъ пепломъ ярко разгорающіяся искры. Но, товарищи, мы не будемъ смущаться: угольки все же тлѣютъ, и потому всякое порожденіе тьмы безсильно. Какъ желудокъ не можетъ обойтись безъ пищи, такъ и голова нуждается въ системѣ; иными словами, она стремится понять закономѣрность явленій, допытывается основанія, на которомъ все зиждется. А это вещь хитрая.

По религіозной системѣ *первопричиной* является богъ. Массоны-идеалисты полагаютъ, что все можно обосновать разумомъ. Закоренѣлые матеріалисты ищутъ основы всего существующаго въ таинственныхъ атомахъ. Соціалъ-демократы обосновываютъ все *индуктивно*. Мы располагаемъ принципиальной индукціей, т. е. мы знаемъ, что *ни одно* умозаключеніе не можетъ быть построено изъ разума *дедук-*

тивно, но знанія могутъ быть добыты только при *посредствѣ разума изъ опыта*. Всѣ эти упомянутыя сейчасъ основанія уже многимъ также извѣстны, но систематическаго знанія у нихъ все же нѣтъ—у нихъ нѣтъ послѣдовательности. Міровоззрѣніе антисоціалистическаго общества лишено единства—это смѣсь дедукціи и индукціи; правда, иногда прибѣгали къ индукціи, но самой системы индукціи еще не знали. Въ деталяхъ отлично освѣдомлены, но когда дѣло идетъ о важныхъ міровыхъ задачахъ, то пониманіе кончается. Начало и конецъ той или иной вещи почти уже отысканы, и легко соглашаются съ тѣмъ, что въ томъ или иномъ конкретномъ случаѣ обозначаетъ кажущуюся и настоящую истину. Но при вопросѣ о генезисѣ міра или истины, права, силы, матеріи, единства или многообразія, причины и слѣдствія, свободы и рабства—перестаютъ понимать другъ друга, и наступаетъ вавилонское столпотвореніе. Одинъ ссылается на откровеніе, другой вопрошаетъ Канта или иного какого философа, третій вовсе и слышать ничего не желаетъ о теологіи и философіи, а обращается къ физическимъ экспериментамъ, ожидая разрѣшенія великой задачи отъ естественныхъ наукъ.

Въ противовѣсъ этой безпомощной растерянности социаль-демократы горды тѣмъ, что обладаютъ „первоисточникомъ“, на которомъ зиждутся всѣ объекты, что постигли научное обоснованіе всего окружающаго, что могутъ оперировать систематизированнымъ міровоззрѣніемъ. Мы практически свидѣтельствуемъ о нашемъ принципиальномъ превосходствѣ силъ, благодаря ясности нашихъ стремленій и требованій. Нѣтъ границъ разнообразію оттѣнковъ нашихъ противниковъ и въ дѣлахъ религіозныхъ, и въ вопросахъ политическихъ. Мы, конечно, тоже отличаемся другъ отъ друга, но всѣ эти антисоціальныя герои культуры не имѣютъ никакого осязательнаго повода критиковать разногласія социаль-демократовъ. Мы споримъ о деталяхъ, о планомѣрной организаціи, о практическихъ и тактическихъ вопросахъ, но въ общемъ, въ принципахъ и теоріи, мы всѣ стоимъ за одно, вплотную другъ къ другу, сомкнутыми рядами, ибо мы обладаемъ тѣмъ, что такъ хотѣли бы имѣть старо-и новокатолики, реформисты и свободомыслящіе; у насъ есть система. Намъ точно извѣстны альфа и омега мудрости.

Этимъ, дорогіе слушатели, еще не сказано, что каждый социаль-демократъ теперь обладаетъ точнымъ знаніемъ системы. Вы не получили систематическаго образованія, иначе

миѣ не зачѣмъ было бы говорить съ каеодры о системѣ. Я утверждаю только, что социаль-демократическая ваша тенденція основана на систематической наукѣ. Я утверждаю, что индуктивное обоснованіе какого-либо объекта единственно истинное, научное обоснованіе и что изъ этой принципіальной индукціи истекають трезвые, антирелигіозные и антигосударственные выводы. Я охотно сказалъ бы нѣсколько словъ объ этихъ интересныхъ подробностяхъ, но оставлюсь лучше на краеугольномъ камнѣ нашего міросозерцанія. Я повторяю и, какъ проповѣдникъ, обязанъ, долженъ повторять: вмѣсто религіи социаль-демократія ставитъ спстематизированное міровоззрѣніе. Это міровоззрѣніе находитъ свое обоснованіе, свой первоисточникъ въ *фактическихъ условіяхъ* существованія. Міровоззрѣніе иныхъ прогрессистовъ въ обыденныхъ и дѣловыхъ отношеніяхъ сказывается въ томъ же направленіи, какъ и въ естествознаніи, и посему оно вполне рационально. Но государственную дѣятельность они стремятся обосновать если не словомъ Божьимъ, то, по крайней мѣрѣ, откровеніями разума. Ихъ понятія о справедливости, истинѣ, свободѣ должны служить почему-то образцомъ справедливаго, истиннаго и свободнаго міра.

Тотъ фактъ, что феодальная, либеральная и клерикальная справедливость, свобода, политическая истина и мудрость строились на насущныхъ интересахъ упомянутыхъ партій, указываетъ намъ, что міровоззрѣніе вовсе не обязано своимъ происхожденіемъ умственной работѣ, но при посредствѣ послѣдней извлекается изъ эмпирическаго матеріала. Вслѣдствіе этого, наши понятія о справедливости и свободѣ мы формируемъ сознательно, систематизируя выводы, согласно нашимъ насущнымъ потребностямъ (подъ этимъ мы разумѣемъ потребности пролетаріата, широкихъ народныхъ массъ). Насущныя потребности достойнаго человѣческаго существованія составляютъ основу, подъ угломъ зрѣнія которой мы обрисовываемъ правду, истину, сознательность социаль-демократическихъ стремленій. Въ индуктивной системѣ тѣло впереди духа, фактъ впереди идеи.

Употребленіе одного и того же слова легко усыпляетъ пониманіе его смысла, какъ это бываетъ съ „Отче нашъ“. Посему я хочу для отличія нашу систему назвать системой истины, основанной на опытѣ, короче—системой „опытной истины“. Приверженцы другихъ партій охотно говорятъ о божественной, этической, логической и т. п. истинахъ. Мы не признаемъ ни божественной, ни человѣческой истины;

мы знаемъ одну только—эмпирическую. Пусть мы теперь назвали ее въ отличіе особымъ именемъ, все же характерныя черты остались тѣ же. Истинны, какъ ихъ обыкновенно называютъ, основываются на физическихъ опытахъ, на матеріальныхъ изслѣдованіяхъ. Какъ таковыя, онѣ только члены или особыя виды эмпирической системы. Мы создаемъ нашу систему изъ цѣлостнаго матеріала. Мы основываемъ наши утвержденія только на фактахъ или опытахъ, поступающахъ при этомъ систематически или логически. Можетъ ли быть что нибудь очевиднѣе этого?

А теперь, когда фундаментъ заложенъ, посмотримъ на построение нашего міровоззрѣнія съ птичьяго полета. Оказывается, что всѣ объекты въ ихъ безконечномъ разнообразіи состоятъ изъ одной и той же общей эмпирической матеріи. Всѣ разнообразныя качества содержатъ одно кардинальное качество. Какъ бы ни разнообразились между собой всѣ объекты міра, какъ бы ни были они велики или малы, тяжелы или легковѣсны, духовны или тѣлесны, они свидѣтельствуютъ о томъ, что они эмпирическіе объекты нашей познавательной способности, что они эмпирической матеріальнѣйшаго нашего интеллекта. Съ точки зрѣнія индуктивной системы, весь міръ со всѣмъ его содержаніемъ, ни что иное, какъ единый и единообразный объектъ. Всѣ подробности только лишь разновидности этого абсолютнаго единства. Физическое явленіе или эмпирической матеріальнѣйшаго можетъ быть названо универсальнымъ родомъ, по сравненію съ которымъ всѣ прочіе роды составляютъ только виды. Этотъ универсальный родъ — и только онъ — составляетъ единственную субстанцію, или истину. Все же прочее только свойства относительнаго характера. Твердое и жидкое, дерево и металл мы обыкновенно объединяемъ въ понятіи „матерія“. Что можетъ воспрепятствовать намъ подвести всѣ объекты подъ понятіе „эмпирическая истина“ или „эмпирическое явленіе“? А затѣмъ мы можемъ дѣлать на органическое и неорганическое, физическое и моральное, добро и зло и т. д. Благодаря всеобщности рода, всѣ противорѣчія оказываются примиренными и соединенными. Все, такимъ образомъ, сводится къ единому. Разнообразіе есть только форма, по существу все — только объекты одного и того же калибра. Главная основа всѣхъ объектовъ — эмпирическое явленіе. Эмпирической матеріальнѣйшаго называется первоначальной матеріей, которая абсолютна, вѣчна и повсемѣстна. Гдѣ прекращается ея дѣйствіе, тамъ прекращается и пониманіе.

Индуктивная система по справедливости называется иначе и діалектической. Въ ней находится то, что естествознаніемъ все сильнѣе и сильнѣе подтверждается, а именно, что и самыя существенныя различія только степенью отличаются другъ отъ друга. Какъ бы неизбежны ни были признаки, устанавливаемые нами, признаки, по которымъ отличаются другъ отъ друга міръ органической и неорганической, міръ растительный и животный, природа, въ концѣ концовъ, свидѣтельствуетъ, что границы стираются и что все многообразіе и всякія противоположности переходить другъ въ друга. Причина производитъ дѣйствіе, и дѣйствіе, въ свою очередь, вновь служитъ причиной. Истина проявляется, и само проявленіе есть истина. Какъ тепло и холодъ только различныя степени одного и того же явленія, такъ же добро и зло—различныя степени одного и того же понятія. Вообще, все существующее—только проявленія или виды физическихъ явленій, отличающихся другъ отъ друга только степенями.

Я вижу здѣсь гостей, которымъ единообразное и систематическое міровоззрѣніе, излагаемое мною, кажется настолько новымъ и неслыханнымъ, что у нихъ невольно готовы сорваться сама несуразныя возраженія. Они, пожалуй, спросятъ, возможно ли, чтобы эмпирической матеріаль разсматривался, какъ краугольный камень всѣхъ объектовъ науки? Развѣ такія явленія, какъ бытіе божіе, чистый разумъ, этической міровой порядокъ и т. п. не существуютъ?

На подобныхъ вопросахъ уважаемые товарищи могутъ убѣдиться, какъ въ человѣческомъ существѣ сидитъ глубоко непониманіе. Богъ, чистый разумъ, этической міровой порядокъ и т. п. не состоятъ изъ эмпирическаго матеріала, не представляютъ физическихъ явленій, и потому мы отрицаемъ вовсе ихъ существованіе. И все же понятія объ этихъ предметахъ мышленія выросли на физической основѣ, фактически существуютъ. Мы можемъ ихъ расширить, какъ матеріаль для нашего индуктивнаго изслѣдованія. Понятіямъ „физическій, опытный“ и т. п. часто придають узкое значеніе, потому я объединяю ихъ въ понятія „эмпирической“.

Религіозная система вѣрующихъ и система разума либеральныхъ массоновъ выдвигаютъ еще другія требованія. Система эмпирической истины, которой социаль-демократы вѣрны, требуетъ индуктивной формы, она признаетъ только тѣ понятія, ученія или теоріи, которыя основаны на „опытномъ матеріалѣ“.

Съ высоты этой системы мы видимъ тотъ мостъ, который соединяются философія и естествознаніе. Онъ состоитъ только изъ одного камня, изъ краеугольнаго камня науки, изъ точнаго знанія, что человѣческій интеллектъ есть только орудіе индукціи. Всѣ спеціальныя науки суть только примѣненія этого общаго знанія. Интеллектъ— главнокомандующій всѣхъ наукъ. Спеціальныя отрасли науки ему подчинены; системы астрономіи или химіи, ботаники или оптики—только отдѣлы главной системы.

Благосклонный слушатель, внимательно слѣдившій до сихъ поръ за моимъ изложеніемъ и не совсѣмъ еще разобравшійся въ нашемъ міровоззрѣніи, долженъ принять во вниманіе, что въ получасовой бесѣдѣ всесторонне изложить такой серьезный вопросъ невозможно. Если бы я расширилъ изложеніе, я рискнулъ бы утомить слушателей.

Впослѣдствіи, при изложеніи выводовъ, мы еще не разъ вернемся къ этому вопросу. Пока удовольствуемся тѣмъ, что мы выяснили основную точку зрѣнія и укрѣпили партиящую сознательность.

Цена.		Цена.	
Р. К.		Р. К.	
новьев, Г. «Что делать в деревне».	— 70	Лафарг, П. «Благотворительность и право на труд»	— 60
о-же. «О мятеже левых эс-эров» .	— 60	Его-же. «Миф о непорочном зачатии».	— 30
о-же. «Война и кризис социализма»	15 —	Его-же. «Вера в Бога». Разошлось.	
о-же. «Из истории нашей партии».	1 10	Печатается 2-е изд.	— 75
о-же. «Франц Меринг»	— 30	Его-же. «Труд и капитал»	— —
новьев, Г., и Ленин, Н. «Против течения». 2-е изд.	10 —	Его-же. «Патриотизм буржуазии»	— —
новьев, Г., и Троцкий, Л. «Карл Либкнехт и Роза Люксембург». Речь, произн. на засед. Петр. Совета.	1 50	Его-же. «Право на леность»	1 10
нов, Илья. «Алое поле». Стихотворения. 2-е изд.	— 30	Ленин, Н., и Зиновьев, Г. «Против течения». 2-е изд., с портретами	10 —
мпанзла, Томас. «Государство солнца». Утопия	2 15	Ленин. «Доклад и заключительная речь на 3-м Всероссийском съезде Советов»	— 25
рлинский, В. А. «Мир или война».	— 15	Его-же. «Борьба за хлеб». Разошлось. Печатается 2-е изд.	— 40
гал, С. А. «Террор буржуазии в Финляндии»	1 40	Его-же. «Пролетарская революция и ренегат Каутский»	3 —
утский, К. «Наука, жизнь и этика».	— 30	Его-же. «Главные задачи наших дней».	— 60
о-же. «К. Маркс и его историческое значение»	1 25	Его-же. «Уроки революции»	— 40
о-же. «Экономическое учение К. Маркса». 2-е изд.	3 50	Его-же. «Империализм, как новейший этап капитализма». (Популярный очерк)	4 50
о-же. «Этика»	2 25	Его-же. «За 12 лет». Сборник статей.	20 —
о-же. «На другой день после социальной революции»	— 75	Либкнехт, В. «Два мира»	1 60
о-же. «Классовые интересы»	— 40	Его-же. «Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений»	1 30
о-же. «Карл Маркс». Биографический очерк	— 45	Его-же. «1848 год и коммуна». 2-е изд.	2 —
о-же. «Томас Мор и его Утопия».	6 —	Его-же. «Воспоминания о К. Марксе».	1 20
о-же. «Ирландия»	1 40	Либкнехт, Карл. «Мой процесс по документам». С предисл. Зиновьева и портретом К. Либкнехта	8 —
о-же. «Возникновение брака и семьи»	2 25	Лилина, З. «Солдаты тыла». Жепский труд до и после войны. Разошлось. Печатается 2-е изд.	2 10
арженцев. «Как вести собрание»	— 70	Ее-же. «Что дала революция народу»	— 35
ий. «Что такое социализм?»	— 65	Литературный сборник, посвящен. памяти Г. В. Плеханова	2 30
го-же. «Республика Советов». 4-е исправл. и дополн. издание	— 40	Логинов. «На страже». Стихотворения. Сатиры	— 90
го-же. «От крестьянской общины к социалистической коммуне»	— 35	Лукин, Н. «Церковь и государство».	— 50
го-же. «Сельская коммуна»	— 20	Луначарский. «Комедии». 2-е изд.	2 60
люев, Н. «Медный кит»	2 40	Его-же. «Первый пророк и мученик революции Радисhev»	1 20
нязев, В. «Красные звоны и песчи».	2 50	Луначарский, А., и Зиновьев, Г. «К. Маркс и социальн. революция». Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 65
го-же. «Красное Евангелие»	1 20	Лурье, М. (Ю. Ларин). «Суд над К. Либкнехтом»	— 45
го-же. «Песни красного звонаря»	3 50	Его-же. «Крестьяне и рабочие в русской революции»	— 45
оллонтай. «Работница-мать»	— 35	Его-же. «Состав пролетариата». 2-е изд.	— 60
онколь. «Коммуна 71 г.»	— 40	Майская, Татьяна. «Полустаяки»	3 50
онституция Советской Республ.	— 40	Маркс, К. «Либералы у власти»	1 80
оролькевич, Б. Е. «Финансовые и экономические законы и мероприятия Германии против держав соглашения за время нынешней войны»	— 35	Его-же. «Наемный труд и капитал».	1 80
азар, Бернар. «Антисемитизм и революция»	— 70	Его-же. «Заработная плата, цена и прибыль»	— 85
арин, Ю. «Крестьяне и рабочие в русской революции»	— 40	Маркс, К., и Энгельс, Ф. «О коммунизме»	1 40
ассаль, Ф. «Принципы труда в современном обществе»	— 60		
лафарг, П. «Происхождение религиозных верований»	— 60		

	Цена. Р. К.		Цена. Р. К.
Маркс, К., и Энгельс, Ф. «Манифест коммунистической партии»	1 40	Самойлова. «Продовольственный вопрос и Советская власть»	— 90
Марклевский. «Что такое политическая экономия?»	— 75	Ее-же. «Что дала Великая октябрьская революция рабочим и крестьянам». 1-е издание	— 50
Меринг, Фр., и Лафарг, П. «Фридрих Энгельс»	1 20	2-е издание	1 20
Мещеряков. «З. «Деревенская беднота и путь к социализму»	— 40	Сборник декретов и постановлений по Союзу Коммун Северной Области: два тома	100 —
Мирбо. «Жан и Мадлена». Драма	1 50	Сборник инструкций, положений и правил по организ. с.-х. коммун.	— 20
Мор, Т. «Утопия»	3 60	Срединский, С. «Основы газетного дела»	2 30
Муйжель. «Бабаья жизнь»	3 50	Стеклов, Ю. «Черная сотня во Франции». Разошлось. Печ. 2-е изд.	1 20
Его-же. «Старый каморра»	2 —	Его-же. «Революц. 1848 г. во Франции».	2 —
«Наш рабочий праздник 1 мая»	— 20	Его-же. «Прудон»	— 80
Немирович-Данченко. «Волчий сын»	4 —	Его-же. «Поль Лафарг», 2-е изд.	— 55
Олар. «Полит. история франц. рев.»	16 —	Его-же. «Новейшее течение во французском антисемитизме»	1 —
Памяти К. Маркса. Сборник статей. 2-е изд.	4 50	Его-же. «Интернационал», ч. I.	4 80
Первый социалистический советский настольный календарь	20 —	Его-же. «Интернационал», ч. II	2 25
Плеханов, Г. «Речь о Белинском»	1 80	Степанов. «Жан-Поль Марат»	— 40
Равич, С. «Что такое республика советов»	— 75	Его-же. «Твердые цены на хлеб»	— 10
Раден. «Анархисты и Советская власть»	— 12	Его-же. «Кто богатеет и кто разоряется»	— 35
Раковский. «Социализм и война»	1 —	Троцкий. «Труд, дисциплина и порядок»	— 30
Ринов, Ник. «Как совершать записи рождений, брака, развода, внебрачных детей и установление отцовства у народных нотариусов»	— 75	Его-же. «Слово к рабочим и крестьянам»	— 45
Ромэн Роллан. «Жан Кристоф». «Сердце Франции», т. VII	2 25	Его-же. «Советская власть и международный империализм»	— 25
Его-же. «Заря», т. I	4 —	Тун, А. «История револ. движений в России»	4 80
Его-же. «Ярмарка на площади», т. V.	5 20	Тюрлан. «Парижская коммуна»	2 —
Его-же. «В стороне от схватки»	2 60	Его-же. Цена крови»	— 40
Рубинин. «Вода на земле, под землей и над землей». С много. иллюстр.	3 —	Цеткин, К. «Война за свободу и мир в России»	— 12
Его-же. «Приключения в стране рабства». С многочисл. иллюстрац.	5 50	Ее-же. «Женский вопрос, интелл. пролетар. и социал.»	— 70
Его-же. «Дедушка-время». Новогодняя сказка	3 —	Ее-же. «За большевиков»	— 45
Его-же. «Что такое кометы»	3 50	* * * «Мировая война». С предисловием Г. Зиновьева	1 10
Его-же. «Как и когда разные народы научились говорить каждый на своем языке»	2 —	Чикнолини, С. В. «Происхождение современной войны»	— 25
Рязанов, Д. «Две правды» (марксизм и народничество). Разошлось. Печ. 2-е издание	— 90	Чуковский, К. «Врокодил». С рисунками художника Реми	7 —
Его-же. «Обуховское дело». Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 70	Его-же. Уот Уитмэн. «Поэзия грядущей демократии»	6 —
Его-же. «19-е февраля». Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 75	«Шлиссельбург и его мученики». С иллюстрациями	— —
Его-же. «К. Маркс и русские люди 40-х годов»	1 80	Эйсер. «В. Либкнехт, его жизнь и деятельность»	1 30
Его же. «Г. В. Плеханов и группа Освобожденной груди»	— 90	Энгельс, Ф. «Философия, полит. экономия и социал.» (Анти-Дюринг).	5 80
Его-же. «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса»	2 50	Его-же. «Из истории развития социализма»	1 40
Самойлова. «Современная безработица и борьба с нею»	1 10	Его-же. «Людвиг Фейербах»	2 50
		Ясинский. «Воскреснувшие сны». Стихи	1 50

ЦЕНА 3 Р. 25 К.